БЕГИ ТАК БЫСТРО, КАК МОЖЕШЬ

ЗАБЕГ К КОНЦУ СВЕТА

МЭТЬЮ РЕЙЛИ

Young Adult. Руины будущего

Мэтью Рейли

Забег к концу света

«Эксмо»

2019

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

Рейли М.

Забег к концу света / М. Рейли — «Эксмо», 2019 — (Young Adult. Руины будущего)

ISBN 978-5-04-119408-6

Когда Скай и её брат-близнец Рэд переезжают из тихого Мемфиса в Нью-Йорк, их встречают тревожные слухи о девушках, пропавших в их новой школе, и надвигающемся апокалипсисе. Впрочем, это не мешает им осваиваться на новом месте, а Рэду – даже примкнуть к школьной элите. Именно Рэд помогает Скай попасть в «Тайное общество любителей бега» – так назвала себя группа старшеклассников, обнаруживших в Центральном парке подземный портал, который может перенести в будущее. Но, пройдя сквозь портал, Скай, к своему ужасу, понимает, что слухи о надвигающемся конце света правдивы…

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-119408-6

© Рейли М., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог 6
Часть I 8
Глава 1 8
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 29
Глава 7 35
Глава 8 38
Часть II 39
Глава 9 39
Глава 10 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Мэтью Рейли
Забег к концу света

Matthew Reilly
THE SECRET RUNNERS OF NEW YORK
Text copyright © Matthew Reilly, 2019
Originally published in the English language as The Secret Runners of New York by Hot Key Books, an imprint of Bonnier Books UK.
Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency and Bonnier Books UK.
The moral rights of the author have been asserted.
© Урбанская Д. В., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Эта книга для всех, кто
учился в старших классах…
…и выжил.

Если у тебя достаточно
денег и достойное имя,
ты можешь делать все, что угодно.
Корнелия Гест
«Путеводитель по жизни для дебютанток»

Почему мы помним прошлое,
но не будущее?
Стивен Хокинг
«Краткая история времени»

Пролог
Последний забег Бекки

Нью-Йорк
Время: 02:35
Дата: неизвестна

Девушка в разодранном свадебном платье в ужасе бежала через Центральный парк. Она сломя голову неслась через подлесок, а колючие ветки хлестали ее по щекам. Было уже поздно, далеко за полночь. В парке и городе вокруг царили темнота и безмолвие.

Обычно симпатичное лицо семнадцатилетней Бекки Тэйлор измазалось в грязи и крови. На лбу красной помадой было написано: СТАРОСТА. Капельки пота, выступившего от ужаса, размывали алые буквы. Бекки пригнула голову и отчаянно бросилась напролом сквозь кусты, прикрывая лицо рукой.

На левом запястье девушки была видна кровавая полоса содранной кожи. Когда она пришла в себя в этом месте, ее связанные за спиной руки были примотаны веревкой к уличному фонарю. После нескольких болезненных рывков ей удалось освободить левую руку. Так началось это безумное бегство домой.

Среди кровоточащих царапин в глаза бросались другие отметины на ее запястье: четыре вертикальные линии.

||||

Над деревьями за спиной Бекки на фоне ночного неба виднелись черные силуэты знаменитых зданий восточной части Центрального парка: громадного Музея естественной истории и нескольких самых известных и дорогостоящих жилых комплексов в мире – «Сан-Ремо», «Маджестик» и «Дакота». Ни одно окно не горело.

Ее сердце бешено колотилось, легкие горели, но Бекки продолжала бежать изо всех сил. Она слышала, как ее преследователи хрипят в азарте охоты. Когда она продралась сквозь кусты, земля перед ней внезапно ушла вниз, и Бекки резко остановилась, едва не свалившись с двухметрового обрыва. Несмотря на разорванное платье, девушка позволила себе улыбнуться – она добралась до Семьдесят девятой поперечной улицы, пересекающей парк, и, значит, была почти у цели.

Бекки, торопясь, сползла по двухметровой стене на дорогу, которая располагалась ниже уровня парка, и перебежала через нее. Трасса, которая некогда давала автомобилям возможность пересечь Центральный парк, сейчас пустовала. Как и темный город вокруг, дорога выглядела пугающе заброшенной. Сорняки, трава и плющ пробивались через трещины в асфальте, окончательно разрушая его. Покинутые машины валялись под всеми возможными углами: растения почти поглотили их. Не было видно ни души. В этом мертвом, пустом городе осталась только Бекки… и те, кто ее преследовал.

Перебежав дорогу, девушка вскарабкалась на каменную стену с противоположной стороны. Спустя минуту она завернула за угол и увидела Шведский коттедж – нелепое бурое здание с деревянными стенами, похожее на пряничный домик. Коттедж на самом деле был построен в Швеции в 1870-х годах и вскоре после этого отправлен в США как подарок от правительства Швеции. С тех пор он совсем вышел из моды, но так и стоял в Центральном парке рядом с садом Шекспира – неуместный, устаревший, ненужный.

Но Бекки требовался не сам коттедж, а то, что располагалось позади него. Она обогнула коричневое здание и выбежала на грязную прогалину с другой его стороны, к низкому каменному колодцу. Девушка торопливо залезла прямо в него и стала спускаться по узкой вертикальной шахте, упираясь руками и ногами в стены. После шести метров спуска колодец закан-

чивался темным туннелем. Она спрыгнула и побежала вперед по туннелю, пока не добралась до старинного каменного портала…

…и остановилась как вкопанная.

Выход был закрыт. Она не могла выбраться.

– Мисти, Честити, вот вы суки! – вслух выругалась Бекки.

Леденящий кровь мужской крик снаружи заставил ее обернуться. И в этот момент в этом холодном подземном туннеле, в этой убогой версии Нью-Йорка, Бекки Тэйлор поняла, что умрет.

Этот день не должен был закончиться так. Всего несколько часов назад она блистала на балу, как королева, неотразимая в своем платье от Веры Вонг и в сопровождении прекрасного кавалера. Да и в учебе она добилась выдающихся успехов. Одним словом, весь мир лежал у ее ног.

А теперь она здесь.

В этом кошмарном месте.

Пойманная в ловушку и одинокая.

Совсем скоро свирепые обитатели этого места найдут ее, и когда это произойдет, ее убьют самым неторопливым и ужасным способом. С этими мрачными мыслями Бекки Тэйлор – в порванном свадебном платье и с остатками помады на лбу – рухнула на пол, закрыла глаза и тихо всхлипнула.

В этот самый момент в комплексе «Маджестик», где жила семья Тэйлор, родители нашли в комнате Бекки – обычной комнате семнадцатилетней девушки в обычном Нью-Йорке нашего времени – ее телефон, а в нем – последнее неотправленное сообщение:

Дорогие мама и папа,

Я больше не могу этого выносить: всеобщие ожидания давят на меня своей тяжестью. Пожалуйста, не ищите меня, это бесполезно. Я обрету покой на дне реки.

С любовью,

Бекки.

Часть I
Школа, где пропадают новые ученицы

Они были беспечными существами, Том и Дэйзи, они ломали вещи и людей, а потом убегали и прятались за своими деньгами…
Ф. Скотт Фицджеральд
«Великий Гэтсби»

Глава 1
Новая школа, новая жизнь

Это был мой первый учебный день в новом городе, но не думаю, что найдется много людей, которые бы меня пожалели. Со стороны моя жизнь выглядела как мечта любой нормальной шестнадцатилетней американки. Я жила в Нью-Йорке, в Верхнем Вест-Сайде[1], в историческом здании «Сан-Ремо», в огромной квартире с видом на Центральный парк.

«Сан-Ремо» – это один из тех пафосных жилых комплексов с двумя башнями в стиле ар-деко, что были построены в тридцатые, и сейчас в них живут кинозвезды, хозяева мира с Уолл-стрит[2], саудовские принцы и все остальные, кто может позволить себе заплатить двадцать миллионов долларов наличными за квартиру.

Но с моей точки зрения, у меня была не жизнь, а полный отстой. Мне было шестнадцать, меня выдернули из дома моего детства в Мемфисе и швырнули в эпицентр самой жуткой подростковой стервозности, которую только можно себе представить: невероятно богатый район Нью-Йорка. Учиться в новой школе в новом городе, вдали от отца, которого я любила, жить с матерью, которую я презирала, и отчимом, который относился ко мне как к пустому месту, – как же я все это ненавидела! Единственным плюсом было то, что со мной переехал и мой брат-близнец Рэд, как всегда воспринимавший все легко и беззаботно.

Первый учебный день начался не очень хорошо.

Мне пришлось надеть школьную форму – совершенно бесполую белую блузку на пуговицах с длинными рукавами и сине-зеленое платье в клетку. Манжеты на длинных рукавах также застегивались на пуговицы. Единственным разрешенным аксессуаром была темно-зеленая лента для волос. В такой элитарной школе, как Монмут, украшения могут стать серьезной проблемой – девушки всегда пытаются перещеголять друг друга, и вполне вероятно, что какая-то старшеклассница явится в серьгах за четверть миллиона долларов. Поэтому все драгоценности были запрещены. Единственное, что разрешалось, – это часы.

В общем-то, я совсем не возражала против простой и скрывающей фигуру школьной формы. В Мемфисе я училась в школе для девочек, и там не было никакого дресс-кода, так что все одевались по своему вкусу. Чем старше становились ученицы, тем больше каждый учебный день походил на конкурс красоты. И по мере того как бедра девушек округлялись, а размер груди увеличивался, джинсы спускались все ниже, а декольте все глубже. В удушливой летней жаре Теннесси количество обнаженной кожи, видневшейся из-под одежды, было просто возмутительным.

---

[1] Фешенебельный и богатый достопримечательностями район в Манхэттене рядом с Центральным парком.

[2] Улица, где располагается Нью-Йоркская фондовая биржа, в переносном смысле – финансовый центр города.

Однажды жарким летним днем я нечаянно услышала, как одна учительница воскликнула: «Вы что, издеваетесь?», когда увидела, как два тренера в спортзале глазеют на задницы трех семнадцатилетних учениц в коротких шортиках.

Но в школе Монмут все было иначе (кстати, всегда пишите название с большой буквы «М», иначе вас поправят). Это было прежде всего учебное заведение, и униформа – и для парней, и для девушек – являлась одним из способов направлять взгляды старшеклассников в книги, а не на противоположный пол.

Как я уже сказала, я была только за. На это были свои причины, так что блузка с длинными рукавами меня очень даже устраивала. И еще я всегда носила часы на левом запястье: массивные, но удобные белые Casio G-Shock. А вот у моей мамы было полно претензий к школьному дресс-коду. Она поставила меня перед зеркалом в прихожей и стала поправлять мою прическу, оставив пару прядей мышиного цвета виться у висков.

– Не убирай так волосы с лица, Скай, дорогая, – сказала она. – Ты можешь быть очень симпатичной, если хоть немного постараешься.

Меня это жутко взбесило, но внешне я не подала вида, так как уже тысячу раз слышала все эти комментарии:

«Почему бы тебе не надеть что-нибудь, что больше тебе идет?»

«Перестань сутулиться, распрями плечи, грудь вперед!»

«Подними глаза, детка. Серьезно, как парни смогут заметить тебя, если ты никогда не смотришь перед собой?»

И самое обидное: «*Знаешь, Скай, мне кажется, что тебе не помешало бы немного похудеть».*

Естественно, мама была уже при полном параде, хотя часы показывали лишь 7:30 утра. К этому времени она уже два часа была на ногах и успела пробежать почти десять километров на беговой дорожке, сделать сто приседаний и помедитировать в течение двадцати минут. Моей матери было сорок пять лет, но она выглядела на двадцать пять, и сейчас платье от «Прада» идеально сидело на стройной фигуре. Ее длинные золотисто-каштановые волосы, как обычно, были идеально уложены, каждый завиток и локон на своем месте. Наша горничная Роза, помимо того что была личным помощником моей матери, доверенным лицом и информатором, одно время работала визажистом на телевидении. Несомненно, это и стало решающим фактором при ее найме. Да, и моя мама всегда ходила на каблуках, даже дома по утрам.

– Скай, – начала она, – это суровая правда жизни, о которой не принято говорить, но ты должна понимать, что ценится в женщинах в нашем мире: важно не то, что у нас в голове. Все дело во внешнем виде. Или как, ты думаешь, я заполучила твоего отчима?

«Быстрое маленькое исчезновение под столом в ресторане на вашем первом свидании?» — подумала я цинично. Однажды я подслушала, как мама рассказывала об этом по телефону своей лучшей подруге Эстель после очередного коктейля «Космополитен», которых в тот вечер было выпито слишком много.

Моя мать, Дейдра Эллен (в прежнем замужестве Роджерс, урожденная Биллингсли), блистала на Мемфисском балу дебютанток и заняла второе место на конкурсе красоты «Мисс Теннесси», но образование получила всего лишь среднее. Это, впрочем, совершенно не помешало ей взлететь на вершину нью-йоркского общества и завести себе привычку ежедневно заниматься шопингом, посещать ланчи, йоги и коктейльные вечеринки.

К счастью, в этот момент Рэд спустился по лестнице, одетый в мужской вариант школьной формы (блейзер, галстук и брюки), и спросил:

– Блу, ты готова?

Я любила своего брата-близнеца. На самом деле его имя Альфред, но, сколько себя помню, все называли его Рэд. У него были небрежно взъерошенные медно-рыжие волосы и лицо, в точности повторявшее мои черты, но проказливое, как у эльфа. При всем этом он

каким-то образом умудрялся классно выглядеть в школьной униформе. Понятия не имею, как ему это удавалось.

Черт, иногда я просто не понимала, как мы с ним могли родиться у одной и той же женщины. Всего на две минуты старше меня, Рэд был моей полной противоположностью: спокойным и невозмутимым. Он ничего не боялся. «Это благодаря моей зрелости, – дразнил он меня, – как-никак я родился раньше!»

Брат с легкостью заводил друзей, совершенно не прилагая к этому никаких усилий. Можно было оставить его в комнате, полной незнакомцев, и уже через двадцать минут Рэд болтал бы и смеялся со всеми присутствующими.

Вот бы мне так.

Мне хотелось думать, что я довольно неплохо могу поддержать разговор, да и в принципе смогу поладить с большинством людей.

Проблема заключалась в том, как начать.

При первом знакомстве я стеснялась до ужаса. Мне приходилось заставлять себя начинать разговор. Самое главное было перебороть себя и завести беседу, а дальше все шло хорошо.

Прозвище «Блу» придумал мой отец – мой настоящий отец, – потому что Скай звучит как «небо», а небо голубое. (На самом деле я даже и не помню, чтобы он когда-нибудь называл меня настоящим именем.) Поняли прикол, да? Рэд и Блу, а звучит как «красный» и «голубой». А поскольку моего отца звали Дуайт, что звучит очень похоже на «белый», он любил повторять: «Выбирай себе любой: красный, белый, голубой!»

Ох уж эти папины шуточки. Они раздражают, когда слышишь их каждый день, но когда они прекращаются, поверьте, начинаешь действительно по ним скучать.

– Готова, как никогда, – ответила я и, выскользнув из рук матери, выскочила из квартиры так быстро, как могла.

Наша новая школа находилась точно на другой стороне Центрального парка, примерно чуть меньше километра от дома, поэтому мы с Рэдом пошли туда пешком. Должна признаться, несмотря на все, что я терпеть не могла в своей новой жизни, эта прогулка мне нравилась. Наш дом располагался в Вест-Сайде, к западу от Центрального парка, недалеко от Музея естественной истории, а школа «Монмут» – прямо через парк, в Верхнем Ист-Сайде, на Пятой авеню, рядом с музеем искусства «Метрополитен». Так что мы шли по красивым, обсаженным деревьями дорожкам, которые вились вдоль вечно оживленной Семьдесят девятой поперечной улицы.

Рано утром все в парке было просто замечательно. Все, кроме психов и религиозных чудиков, которые с недавнего времени постоянно толпились на тротуарах возле «Метрополитена» и у большинства главных входов в Центральный парк, держа свои плакаты и Библии.

Психи выглядели более забавно, на них были шапочки из фольги, и они отплясывали, как припадочные. На некоторых плакатах было написано:

ЭТОТ ДЕНЬ СВЯТОГО ПАТРИКА
СТАНЕТ ЛУЧШИМ ВО ВЕКИ ВЕКОВ!

НАДО БЫЛО ПРИГЛАСИТЬ ЕЕ НА СВИДАНИЕ!

ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ! ТРАНЖИРЬ! КРАДИ!
ПОСЛЕ 17 МАРТА
ЭТО БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ
ИМЕТЬ ЗНАЧЕНИЯ!

Религиозные чудики были постарше и вели себя серьезно. Они держали свои транспаранты тихо, но решительно. Надписи тоже были не такие колоритные:

Евангелие от Луки, глава 21, стихи 25–26

ВЕСЬ МИР ЛЕЖИТ ВО ЗЛЕ!
Евангелие от Иоанна, глава 5, стих 19

И ОН УНИЧТОЖИТ ГРЕШНИКОВ!
Книга пророка Исайи, глава 13, стих 9

ЭТО БОЖЬЯ МЕСТЬ
ЗА РАЗРЕШЕНИЕ ГЕЯМ ЖЕНИТЬСЯ

БОГ НЕНАВИДИТ ПЕДИКОВ И ЕВРЕЕВ,
ПРИГЛАШАЕМ НА ЧАС РАСПЛАТЫ

Меня не очень интересовала вся эта шумиха насчет Дня святого Патрика. Когда год назад или около того один старый ученый впервые сделал заявление о приближении конца света, это попало во все новости. Но до семнадцатого марта оставалось еще семь месяцев, людям вскоре надоело думать об этом, и ажиотаж в СМИ спал. Спустя некоторое время этот новый апокалипсис стал восприниматься так же, как все те, что предсказывались до него: комета Хейла – Боппа в девяносто седьмом, Миллениум или пророчества из календаря майя о две тысячи двенадцатом. Все улеглось.

Многие, и моя мать в том числе, сравнивали происходящее с историей про того сумасшедшего христианского проповедника, который убедил своих последователей продать все имущество, потому что двадцать первого мая в две тысячи одиннадцатом должен был наступить конец света. Когда этого не произошло и конец света не наступил, их мир определенно рухнул.

Так что мы с Рэдом просто прошли мимо разношерстной толпы, размахивающей плакатами, и вошли в нашу новую школу, где вот-вот должен был разверзнуться мой личный ад.

Глава 2
Ежегодное собрание

Школа «Монмут» располагается на Пятой авеню в старинном особняке XIX века, некогда принадлежавшем семейству Астор. Над входом, который выполнен в виде каменной арки, размещен герб и девиз на латыни:

PRIMUM, SEMPER.

Первый, всегда.

В целом этим все сказано. «Монмут» – это не обычная школа. Ее ученики богаты. По-настоящему богаты. Их родители – это те люди, которых можно увидеть на приемах в Белом доме. Школа расположена в Верхнем Ист-Сайде Манхэттена, с видом на Центральный парк, и является одной из самых эксклюзивных школ в Америке. Каждый, кто хоть что-то представляет собой в обществе, хочет, чтобы его дети учились в «Монмуте», и готов ради этого на все.

Но знаменитая мисс Констанс Блэкман, бессменный директор школы на протяжении последних двадцати лет, может себе позволить быть непредвзятой. За ее спиной стоит один из крупнейших в стране благотворительных фондов, финансирующих деятельность школы. По ее меткому выражению, кроме денег есть и другие причины, которые делают подростка «подходящим для «Монмута».

Эти другие причины на самом деле могут быть какими угодно, но, как правило, дело не в самом ученике, а в его родных. Например, это может быть значительный многолетний вклад той или иной семьи в культурную жизнь Нью-Йорка, или если кто-то из родственников был лауреатом старейшей и высоко уважаемой премии (читай: Нобелевской или Пулитцеровской), но в конечном счете есть одна причина, превосходящая все остальные.

Родословная.

Когда я туда перевелась, главным предметом гордости для школы были четверо учеников – прямые потомки пилигримов с «Мэйфлауэра»[3] и еще трое, чьи предки подписали Декларацию независимости США. К отпрыскам современных знаменитостей и нуворишей «Монмут» относился пренебрежительно. Мисс Блэкман, классическая старая дева со скромными запросами, жила в уютной квартирке на территории школы и получала особое удовольствие, отказываясь от взяток. Была нашумевшая история, когда она отклонила приглашение посетить знаменитый «Мет-Гала», ежегодный бал Института костюма при музее «Метрополитен», с отцом потенциального ученика, сказав: «С какой стати мне посещать мероприятие, организованное журналом?»[4]

Мисс Блэкман придерживалась мнения, что основная ее задача весьма незатейлива – поддерживать репутацию школы «Монмут» на высшем уровне как в мире образования, так и в светском обществе.

Первый, всегда.

Тем не менее было кое-что в «Монмуте», о чем мисс Блэкман изо всех сил старалась не упоминать.

Пропавшие девушки.

За последние два года пропали без вести три ученицы школы, все новенькие: второклассница, одна из средней ступени и старшеклассница. Вжух, и все. Никаких следов. Больше их никто не видел.

---

[3] Знаменитый корабль, на котором в Северную Америку прибыли первые английские переселенцы в 1620 году.

[4] «Мет-Гала» – одно из главных ежегодных событий в мире моды, также известное как «Оскар» Восточного побережья». В числе его основных организаторов – главный редактор журнала «Voque».

Первой была Трина Миллер, сообразительная второклассница со средним баллом 4,3 и блестящими видами на будущее. Она исчезла в январе прошлого года, всего через пять месяцев после того, как начала учиться в «Монмуте».

Следующей стала Долорес Барнс, девушка с ограниченными возможностями. Круглолицый ангел с синдромом Дауна[5], Долорес была участницей программы «Моя младшая сестра», которая объединяла в пары учеников «Монмута» и близлежащих спецшкол. Несмотря на то что цели у программы были самые благородные, в «Монмуте» ее безжалостно высмеивали. Но все равно принимали в ней участие – ради того, чтобы при поступлении в колледж в резюме можно было упомянуть «общественную деятельность». Долорес училась на средней ступени и исчезла в декабре прошлого года.

И наконец, последней пропала Ребекка (Бекки) Тэйлор. Ее исчезновение шокировало сильней всего. Жизнерадостная и общительная, Бекки училась в «Монмуте» около года и уже стала одной из самых популярных учениц. Все думали, что в следующем учебном году ее назначат старостой школы. Но потом, в марте, в тот самый вечер, когда она была выбрана королевой бала на Истсайдском котильоне, самом престижном балу дебютанток в Нью-Йорке, она исчезла. Просто растворилась в ночи в своем белоснежном платье дебютантки, и больше ее никто не видел.

Бекки – единственная из пропавших девушек, кто оставил записку, точнее сообщение, в котором говорилось, что она не выдержала навалившейся на нее ответственности и бросилась в реку, вероятно, привязав к себе дополнительный груз, чтобы ее никогда не нашли. Многих потрясло, что такая яркая и популярная девушка, как Бекки, могла втайне вынашивать мысли о самоубийстве. Как говорится, чужая душа – потемки. Этот случай даже разбирали на занятиях по повышению самооценки.

Естественно, все три исчезновения расследовали детективы из полиции Нью-Йорка. Мисс Блэкман даже наняла бывшего следователя ФБР, чтобы разобраться в этом деле. Официально она заявила, что в полиции «работают хорошие детективы, но они, вероятно, не могут посвятить этой ситуации столько времени и сил, сколько она того требует». В приватной беседе же она высказалась в другом ключе: «Полиция для обычных граждан. А мы платим за более качественные услуги».

Увы, но ни полиция, ни бывший агент ФБР не нашли ничего, что могло бы привести их к пропавшим девушкам, – ни телефонов, ни обрывков одежды, ни тел. Ни единой мелочи. Следователь из ФБР также рассматривал возможность похищения во всех трех случаях, но и эта версия ни к чему не привела. По его словам, он был крайне озадачен, что в наше время камер видеонаблюдения, отчетов по кредитным картам и приложений типа «найди свой iPhone» эти трое смогли фактически бесследно исчезнуть с лица земли.

Завистливые девчонки из соседних школ никогда не упускали возможности поддеть учеников «Монмута», так что я узнала об этих исчезновениях лишь тогда, когда случайно упомянула кому-то о своей новой школе. И, проходя под той старинной каменной аркой в свой первый учебный день, я особенно остро осознала, что являюсь новенькой в школе, где пропадают новенькие.

Когда двести восемьдесят учеников школы «Монмут» собрались в актовом зале, похожем на амфитеатр, это было похоже на тихо шелестящее море в сине-зеленую клеточку. Должна сказать, что, глядя на это скопление людей, униформа понравилась мне еще больше, в основном потому, что позволяла мне сохранить анонимность. Я не хотела выделяться, а в форме могла без труда спрятаться у всех на виду.

[5] «Плоское» лицо и выражение безмятежности на нем – одни из внешних симптомов синдрома Дауна.

Я обратила внимание, что девушки сидели тесными группками, которые, без сомнения, сложились давным-давно. Парни-второклассники сгорбились на задних сиденьях, наблюдая за девчонками. Учителя стояли в проходах у стен, непринужденно болтая друг с другом. А затем внезапно наступила полная тишина и на сцену вышла мисс Блэкман.

– Леди и джентльмены, – произнесла она, – в школе «Монмут» начинается чудесный новый учебный год, добро пожаловать!

Дальше последовали обычные банальности: о том, какая честь для всех нас учиться в столь прекрасном заведении; о том, что «Монмут» сделает нас лидерами будущего; наставления новым старшеклассникам служить достойным примером и все прочее в таком духе. А потом мисс Блэкман сказала несколько вещей, которые меня действительно заинтересовали:

– Не позволяйте нынешней истерии насчет конца света отвлекать вас. За свою жизнь я встречала множество глупцов, утверждающих, что грядет апокалипсис, но я до сих пор жива.

– Даже ядерная боеголовка не прибьет эту старую алебарду, – хихикнул симпатичный блондин с волнистыми волосами в ряду позади меня. – Когда все закончится, останется только она и тараканы.

Ближайший учитель прошипел:

– Мистер Саммерхейз, тс-с-с!

Тем временем мисс Блэкман продолжала:

– А теперь я приглашаю на сцену для приветственного слова старост школы этого года – мистера Бо Брэдфорда и мисс Честити Коллинз.

Двое старшеклассников, сидевших в зале в первом ряду, поднялись на сцену, и при виде них мне пришлось себя ущипнуть. Назвать их красивыми значило бы сильно преуменьшить. Это была не просто хорошая наследственность, нет, это намного больше. С этой парочкой определенно поработали профессиональные стилисты. Форменный темно-зеленый блейзер сидел на парне идеально. Даже нелепый клетчатый галстук смотрелся стильно. Гладкий мужественный подбородок, симметричные скулы, светлая шевелюра с подбритыми висками… Бо Брэдфорд был похож на парня, который входит в состав команды Гарварда по академической гребле, а в свободное время подрабатывает моделью у Ральфа Лорена.

Какие-то девушки рядом со мной зашептались, задыхаясь от восторга:

– Боже, он просто огонь, не могу…

– Определенно, десять из десяти. Я бы разрешила ему сделать со мной что угодно…

– Удачи тебе, он был практически помолвлен с Мисти Коллинз еще в…

Школьной старосте на вид было лет семнадцать, и она также была потрясающе красива и стильно одета: высокая и статная, со светлыми волосами, едва заметными веснушками, голубыми глазами и широкой улыбкой на тысячу ватт, которая показалась мне чересчур наигранной. Школьная форма обтягивала ее как перчатка, как будто была сшита на заказ по ее точным меркам. Полагаю, так оно и было. Девушка заговорила первой, ее голос звучал бодро и весело:

– Всем привет. Если вы меня не знаете, то я Честити.

Светлокожая афроамериканка с роскошной гривой вьющихся бронзовых волос, сидевшая слева от меня, фыркнула:

– Вот и первое лживое заявление этого года.

– Заткнись, Дженни, не будь сучкой, – прошептала другая девушка.

Афроамериканка по имени Дженни пожала плечами:

– Я имею в виду имя. «Честити»?[6] Серьезно? Мы все знаем, насколько близко Честити любит общаться с мальчиками.

– Я тебе кишки выпущу, Дженни, – прошипела одна из девушек.

– Как будто ты сможешь, Хэтти.

---

[6] Честити (Chastity) – с англ. «целомудрие».

– Как дела на *работе*, Дженни? Все еще обслуживаешь столики?

– Девушки!.. – вмешалась учительница из прохода. – Мисс Брюстер! Мисс Джонсон! Хватит!

Я была так увлечена маленькой битвой на галерке, что отвлеклась от речи Честити Коллинз. А она в это время как раз произнесла:

– …и давайте сохраним в памяти нашу покойную подругу Бекки Тэйлор. Упокой Господь ее душу.

Девушка по имени Дженни снова фыркнула:

– Честити *сама* должна благодарить Бога. Не быть ей старостой, если бы Бекки Тэйлор не покинула эту планету.

– Мисс Джонсон! После собрания жду вас в моем кабинете! – прошипела учительница.

Честити Коллинз продолжала:

– …так грустно потерять такого одаренного и многообещающего человека в столь юном возрасте.

Но потом она словно преобразилась, весьма талантливо, и ее «печальное» лицо внезапно просветлело:

– Но поговорим и о хорошем. В этом году светский сезон обещает быть *очень* волнующим. Как минимум три ученицы «Монмута» собираются впервые быть представленными на самых престижных балах дебютанток в городе, включая – прошу прощения за некоторую предвзятость – мою сестру. Мисти появится как на международном Балу дебютанток, так и на Ист-сайдском котильоне как юниор, что действительно очень редкая честь.

Две ученицы, обменявшиеся колкостями с афроамериканкой по имени Дженни, похлопали третью по плечу. Эта девушка была более молодой и хрупкой версией Честити Коллинз, с такими же светлыми волосами, бледными веснушками и голубыми глазами. Но лицо у нее было более жесткое и серьезное. Я уже видела такое раньше. Находясь в тени своей звездной старшей сестры, младшая уверена, что ее ждет еще более выдающееся будущее.

Девушка по имени Дженни снова не смогла удержаться от насмешки:

– Улыбайся, Мисти. Тебе надо поработать над мимикой, а то ИЛС проступает, когда не надо.

Блондинка Мисти повернулась к Дженни и расплылась в торжествующей улыбке.

– Спасибо, Дженни, я ценю твой совет, – сказала она.

Я увидела, как Дженни на долю секунды нахмурилась, пораженная тем, что ее издевка не вызвала у Мисти никакой реакции.

Что ж, за несколько минут я успела услышать, как старосту почти прямым текстом называют потаскушкой, соученице угрожают выпустить кишки, сама староста скромно превозносит высокий статус учебного заведения в светском обществе, а сестра старосты демонстрирует классический пример старого доброго пассивно-агрессивного поведения «дрянной девчонки». С грустью приходилось признать, что школа, она и есть школа, какой бы высокой ни была плата за обучение.

Вскоре после этого Честити закончила свою речь, и красавчик-старшеклассник тоже что-то пробубнил. Затем мисс Блэкман снова взяла микрофон и пробежалась по нескольким административным вопросам. Так что я немного отвлеклась, но тут она выдала такое, от чего у меня кровь застыла в жилах:

– …рады приветствовать двух новых учеников средней ступени, которые перевелись к нам из Мемфиса, штат Теннесси…

Боже, только не это.

– …мистер Альфред и мисс Скай Роджерс…

При звуках моего имени, эхом разнесшегося по аудитории, я съежилась в кресле. Мне хотелось сжаться в комок и умереть.

Пожалуйста, не заставляйте нас встать. Нет. Только не это.

Мисс Блэкман ласково улыбнулась нам с братом:

– Почему бы вам не подняться на сцену, чтобы мы все могли на вас посмотреть?

Конечно же, Рэд весело вскочил со стула и направился на сцену, помахав при этом всему залу. Я выбралась из своего ряда и тоже стала подниматься по небольшой лестнице, опустив голову и ссутулив плечи, чтобы выглядеть как можно неприметней. Как назло, на верхней ступеньке я споткнулась и практически растянулась на сцене, как самая неуклюжая растяпа в Америке!

Рэд – дай бог ему здоровья – поймал меня в нескольких сантиметрах от пола, но было уже поздно. По залу прокатился смешок. Покраснев от унижения, я постаралась взять себя в руки и слабо кивнула присутствующим.

Когда мисс Блэкман жестом велела нам садиться, я мигом покинула сцену и вернулась на свое место. Конечно же, меня обсуждали:

– Видела, как она споткнулась? Позорище…

– О боже, я бы просто умерла от такого…

Затем послышался голос, обращенный ко мне:

– Классно пол поцеловала, Мемфис.

Снова смешки.

Черт, ненавижу девчонок.

Собрание закончилось. Глядя, как школьники выходят из зала, болтают без умолку, дают друг другу «пять» и тычут пальцами, я подумала: «Здесь такой же закон джунглей, только в униформе».

Глава 3
Приближение конца света

Вероятно, мне следует поподробнее рассказать про всю эту историю с концом света на День святого Патрика.

Если вкратце, то никто не знал, что и думать. Все началось в августе прошлого года, когда доктор Гарольд Финкельштейн, пожилой ученый из Калифорнийского технологического института, опубликовал научную статью в «Астрофизикал джорнал» о феномене, который он обнаружил в космосе. Он назвал его облаком сверхкоротковолнового ионизированного гамма-излучения высокой плотности, которое журналисты вскоре сократили до «гамма-облака».

В сущности, это было облако электромагнетически заряженной энергии, которое занесло в нашу Солнечную систему. Когда доктор Финкельштейн его засек, облако проходило мимо Юпитера, и, согласно расчетам, Земля должна пройти сквозь него к семнадцатому марта следующего года. Именно то, что произойдет с Землей и человечеством, когда гамма-облако дойдет до нас, и стало предметом жарких споров в научном сообществе, в утренних телешоу и среди населения в целом.

Финкельштейн был убежден, что человечество будет уничтожено практически полностью. И это не будет безболезненно. Нас ждут двадцать четыре часа ужаса и горя. Ведь человеческое тело очень хрупкое, а гамма-излучение может повредить его несколькими различными способами.

Прежде всего речь идет об электричестве. Вот что нас действительно убьет, по словам Финкельштейна. Почти каждой клетке нашего тела требуются электрические импульсы, чтобы выжить. С помощью электричества человеческий мозг посылает сигналы остальным частям тела. При попадании в гамма-облако человек просто упадет замертво на месте, так как его мозг буквально поджарится. Это уничтожит 99,5 % населения планеты.

Кроме того, гамма-облако, по мнению Финкельштейна, не будет однородным по силе воздействия: где-то оно будет более плотным, где-то менее. Это означало, что разные места на Земле будут подвергаться различным уровням облучения. А если некоторые люди получат более низкий уровень радиации, то у них будет шанс пережить волну смерти, накрывшую планету. Так же возможно окажется, что некоторые люди обладают естественной устойчивостью к гамма-излучению.

К сожалению, выжившим придется существовать на развалинах цивилизации, потому что те же самые электромагнитные силы, которые взболтают мозг большинству людей на Земле, также разрушат каждую электрическую цепь на планете. Короче говоря, гамма-облако заставит все электроприборы – телевизоры, компьютеры, лампы, электростанции – выключиться. Энергия иссякнет. Человечество будет отброшено назад в каменный век.

Все это звучало довольно жутко. Двадцать четыре часа мучительных смертей плюс катастрофическая утрата электроэнергии – вот почему все чудики – религиозные и прочие – так взбудоражились.

Конечно, за новость ухватилась пресса. Для юмористических шоу тема конца света была благодатной почвой, в особенности учитывая точную дату, которую назвал Финкельштейн – День святого Патрика. Это ирландский заговор, шутил Стивен Колберт[7], устроенный для того, чтобы ирландцам можно было пить больше пива. Каждое утреннее телешоу приглашало экспертов-астрофизиков со всего мира, внимательно наблюдавших за небом через свои теле-

[7] Американский юморист, ведущий популярной телепрограммы «Вечернее шоу со Стивеном Колбертом».

скопы. Кто-то из них соглашался с Финкельштейном, кто-то нет. Но даже те, кто был согласнен, утверждали, что облако может просто проскочить мимо Земли. С кометами такое случалось постоянно. Доктор Финкельштейн же упрямо твердил, что его расчеты верны.

Самому же пожилому ученому (ему было семьдесят два) тщательно перемывали косточки. Все научные работы и статьи, которые он когда-либо писал, подвергались детальному анализу. В его прошлом откопали студенческое обвинение в плагиате пятидесятилетней давности, а также жалобу на сексуальные домогательства, хоть он и был оправдан. Конкуренты-астрофизики упрекали его в жалкой старческой попытке привлечь к себе внимание на закате карьеры. А затем, возможно, как раз из-за пристального внимания прессы и различных домыслов, доктор Гарольд Финкельштейн сделал то, чего от него никак не ожидали.

Он умер.

Закончив давать интервью Джорджу Стефанопулосу в программе «Доброе утро, Америка», доктор Финкельштейн уже снимал с лацкана микрофон, как вдруг схватился за грудь, лицо его исказилось от боли, и он рухнул на пол студии. Смерть наступила в результате сердечного приступа. Камеры уже были выключены, когда ему стало плохо, но изображение пожилого мужчины, лежащего на полу студии, облетело весь мир за считаные минуты.

Со смертью главного сторонника приближения конца света его место не замедлили занять многочисленные скептики. Да и сама новость вышла из разряда нашумевших и стала просто очередной странной историей. Жизнь потекла своим чередом для всех, кроме чудиков в шапочках из фольги и фанатиков Судного дня. По крайней мере до тех пор, пока семнадцатое марта не забрезжит на горизонте, тогда-то люди снова об этом заговорят, на случай, если Финкельштейн все-таки был прав.

Со своим мнением по поводу конца света я пока не определилась. Все действительно так? Или это полная чушь? К тому времени, когда пресса прекратила смаковать эту новость, уже никто не смог бы разобраться, что правда, а что нет. Когда «Нью-Йорк таймс» призывает взвесить все вероятности печального исхода, а «Нэшнл инкуайрер» советует купить подземный бункер и выложить стены тридцатью сантиметрами свинца, во что верить?

Как и большинство людей, я склонялась к тому, что все будет хорошо, пока не поговорила об этом с моим отцом, я имею в виду, с моим настоящим отцом. Доктор Дуайт Р. Роджерс в прошлом был деканом медицинского факультета Университета Теннесси, специализировался на ядерной медицине, и в мой последний приезд в Мемфис он сказал мне, что изучил работу Финкельштейна и пришел к выводу, что ученый не был сумасшедшим. Он был прав. Папа сказал, что при погружении в гамма-облако можно выжить, если находиться внутри вакуумной камеры или если у тебя есть естественный или искусственно повышенный иммунитет, который сохранит электропроводимость тела, особенно в мозге.

– Загружайся кальцием и фосфором по полной программе, – сказал он мне в своей конкретной, серьезной манере. – Эти элементы жизненно важны для передачи нервных импульсов в теле и мозге, на что и влияет гамма-излучение. Но в основном кальций, фосфор в меньшей степени. Цельное молоко, йогурт, сардины – да-да, много сардин – и любые биодобавки с кальцием, которые сможешь найти в аптеке. Откажись от газировки, потому что из-за нее кальций хуже усваивается. И если получится, раздобудь какие-нибудь нейролептики[8], например «Риспердал» или «Ципрекса», которые влияют на нейромедиаторы[9]. Препараты от СДВГ[10] или антидепрессанты тоже подойдут.

---

[8] Психотропные препараты, подавляющие высшую нервную деятельность, эмоциональное состояние, поведение и способные устранять бред, галлюцинации, другие проявления психоза.

[9] Биохимические вещества, посредством которых осуществляется передача электрохимических импульсов в человеческом организме.

[10] Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

Папа начал что-то бормотать, мысли его опережали слова, как это часто бывало. Я только ободряюще кивнула. Рэд рядом со мной закатил глаза.

Он был прекрасным человеком, мой отец, и блестящим ученым – до нервного срыва. Я отлично понимала Рэда: едва ли стоит воспринимать всерьез советы о том, как пережить конец света, от пациента психиатрической лечебницы в Мемфисе, штат Теннесси.

Глава 4
Простые стервы и нью-йоркские

После того кошмара, что мне пришлось пережить на общем собрании, я старалась держаться в «Монмуте» максимально незаметно. Какое-то время этот план работал просто великолепно, и нужно заметить, я узнала много нового, как в плане учебы, так и о «законе джунглей» в нью-йоркской школе.

Рэд, конечно же, сразу завел друзей. Не прошло и трех дней после собрания, как у него появились приятели из школьной команды по лакроссу, в которую брат записался еще несколько недель назад. Среди них был и блистательный Бо Брэдфорд, капитан команды и староста школы. Ну а я познакомилась с враждующими группировками девушек на моей ступени обучения.

Первое, что я узнала, – статус ученика определялся статусом родителей. Каждый раз, когда меня с кем-то знакомили, за этим следовало: «ее отец – член правления «Голдман Сакс»[11], или «ее мать – председатель благотворительного совета музея «Метрополитен», или «ее мама – член консультативного совета Нью-Йоркского балета». Из этого складывалась неофициальная иерархия, основное правило которой гласило: чем богаче родители, тем влиятельнее ученик.

Кудрявую афроамериканку, которую я заметила во время общего собрания, звали Дженни Джонсон. Ее отцом (теперь понимаете, что я имею в виду?) был Кен Джонсон, миллиардер и владелец хедж-фонда, который сколотил свое состояние во время финансового кризиса в две тысячи восьмом, играя против рынка. Он также являлся заместителем председателя одного из самых важных советов в городе – попечительского совета музея «Метрополитен». Его жена в свое время работала в модельном бизнесе. Она была афроамериканкой, отсюда и чудесный цвет кожи их дочери, а-ля капучино. Технически Дженни являлась самой богатой девушкой в «Монмуте». *Но* — и это было большое *«но»* – деньги ее семьи считались «новыми», что опускало ее на несколько ступенек вниз по иерархической лестнице.

Мне нравилась Дженни. У нас было несколько общих предметов, и она была очень приветлива со мной, совсем не в том напрягающем смысле «у-меня-нет-своих-друзей-так-что-я-подружусь-с-новенькой». Кроме того, у нас оказалось кое-что общее, что мы обнаружили при весьма специфических обстоятельствах.

Это произошло в женском туалете. Я мыла руки, когда Дженни вышла из кабинки позади меня и подошла к соседней раковине. Как всегда, на мне были часы. Я никогда их не снимала, пользуясь преимуществами модели G-Shock. Мало того что их почти невозможно разбить, они еще и водонепроницаемые. Чего я не учла, так это особенностей новой марки косметики, которую купила накануне. Я наносила тональную основу на левое запястье, *под* часами. От воды крем потек, оставив некрасивые разводы телесного цвета на ремешке, а я и не заметила.

А вот Дженни заметила, но вместо того, чтобы как-то прокомментировать, она просто взяла бумажное полотенце, подошла и стерла пятна.

– Будь осторожнее с косметикой на запястье, – сказала она. – Нужна хорошая стойкая основа, которая не размажется.

Я обратила внимание, что у Дженни тоже массивные часы на руке. Она по-доброму улыбнулась мне:

– Я тоже пыталась.

[11] Один из крупнейших в мире инвестиционных банков.

Пыталась…

Я не всегда была такой забитой. На самом деле в Мемфисе я была совершенно другой: популярная, общительная и уверенная в себе вице-президент класса в престижной частной школе для девочек. Я с удовольствием принимала участие в школьной предвыборной кампании – бэйджи, значки, воздушные шары и улыбки – вместе со своей лучшей подругой. Саванна была типичной южной красоткой из влиятельной семьи и баллотировалась на пост президента класса. Мы победили, нашей компании завидовали больше всех в школе, и я была в полной гармонии с жизнью. У меня было в ней свое место. А потом я все испортила.

Однажды я встретила Саванну и нескольких наших друзей в торговом центре. Они дразнили девочку-инвалида по имени Тилли Грин. У Тилли была странная походка, вызванная каким-то редким заболеванием костей. Она подволакивала левую ногу.

– Боже мой, Тилли, – сказала Саванна. – У тебя что, спазмы?

Я и раньше слышала, как Саванна отпускает обидные комментарии, но по какой-то причине в тот день ее издевки меня задели. Серьезно, девчонка же инвалид. Это был явный перебор. Когда Тилли начала плакать, я заслонила ее и сказала:

– Привет, Саванна! Хватит, оставь бедолагу в покое.

Саванна уставилась на меня:

– Я не интересовалась твоим мнением, Скай. Думаю, тебе лучше уйти. Увидимся позже!

Это и был мой Рубикон: момент, когда я могла уйти, оставив Тилли на милость Саванны и ее подружек, и сохранить свою спокойную жизнь. Но я осталась на месте.

– Нет, Саванна. Я серьезно. Прекрати.

Это было ошибкой.

Гнев Саванны был яростным и сокрушительным. С того самого дня моя жизнь превратилась в сущий ад, как в школе, так и за ее пределами. В школьной столовой мы больше не сидели за одним столом. Меня перестали приглашать на вечеринки. Она даже умудрилась из-за какой-то формальности сместить меня с поста вице-президента класса. Так я узнала, что, когда дружишь с вожаком стаи, твоя часть сделки заключается в том, чтобы всегда помнить о том, с кем дружишь. Я поставила под сомнение существующий порядок и должна была понести за это наказание.

Моя мама, как ни странно, призывала меня извиниться перед Саванной:

– Саванна – из семьи, очень влиятельной в этих краях, дорогая. Скажи, что тебе жаль. Проглоти свою гордость. Не порть себе жизнь из-за какой-то дурочки, которая ровным счетом ничего не значит.

Я действительно пыталась поговорить с Саванной, но она даже не захотела меня выслушать. Общественный остракизм[12], бывшие друзья, которые теперь проходили мимо по коридору, как будто я стала невидимкой, потеря привилегированного статуса – все это серьезно подкосило меня. Я сломалась. Стала неправильно питаться и отсиживаться дома. Каждый поход в школу превращался для меня в настоящее испытание. Мне было четырнадцать, я растолстела и была постоянно на взводе, чувствовала себя одинокой и психовала по любому поводу. А потом, после очередного небрежного комментария матери по поводу моего веса, я решилась…

…и сделала это.

Я пожалела в ту же секунду, как только сделала надрез на левом запястье. Но уже ничего нельзя было изменить. Из пореза лилась кровь, и мне пришлось ехать с мамой в больницу. Последовали месяцы терапии, во время которых я отчаянно пыталась доказать, что нахожусь в здравом уме. В школе все стало только хуже. Взгляды, которыми меня награждали Саванна и ее прихлебатели, были полны ненависти. Когда восемнадцать месяцев спустя мы с мамой и

[12] Гонение, неприятие, травля, презрение со стороны окружающего общества.

братом переехали в Нью-Йорк, я усвоила жестокий урок: никогда не раскачивай социальную лодку.

– Ты тоже пыталась что? – переспросила я у Дженни.

От моего пореза остался шрам, отсюда и огромные Casio, и тональный крем на руке (и мое одобрение униформы «Монмута» с длинными рукавами). В ответ Дженни Джонсон показала мне собственный шрам. Он прятался на правом запястье, под самыми уродливыми часами в мире.

– Момент отчаяния, – сказала она.

– Классные часы, – ответила я.

Они были совершенно невзрачными, обычные черные часы. Дженни ухмыльнулась и покрутила запястьем, как фотомодель.

– Это подарок моего отца. Та же компания, что делает швейцарские армейские ножи. Да, не последний писк моды, но зато в них скрыт потрясающий секрет.

Она театрально подняла брови, и из корпуса часов неожиданно выскользнуло лезвие около пяти сантиметров длиной. Дженни пояснила:

– У моего отца настоящая паранойя по поводу похищений, точнее, что меня могут похитить. Я даже была вынуждена пройти курс «Как себя вести во время похищения». И часы эти жуткие тоже он купил: потайным ножом можно разрезать веревки на руках или освободить рот от кляпа. – Дженни пожала плечами: – Ну и шрам заодно скрывает.

Я улыбнулась. С этого момента между нами установилось негласное взаимопонимание.

Кроме этого обстоятельства, Дженни мне нравилась тем, что, несмотря на все деньги ее отца, у нее была работа.

– Мой папа сам заработал свое состояние, – сказала она мне однажды, когда мы обедали на баскетбольной площадке на крыше школы. – Он не унаследовал ни цента. Доллар, заработанный честным трудом, по его словам, ценнее, чем тысяча, доставшаяся по наследству. Так что, хотя у него дофигалион денег, если я хочу что-то себе купить, мне нужно самой заработать на это. Так он сказал.

По выходным Дженни работала официанткой в компании, предоставлявшей дополнительный обслуживающий персонал для частных мероприятий высокого класса: открытие галерей, благотворительные обеды и тому подобное. По словам Дженни, она неплохо получала, целых пятьдесят баксов в час, потому что ее часто вызывали в последний момент, когда срочно не хватало людей. А еще меня восхищало в Дженни то, как она была уверена в себе и не лезла за словом в карман, как в тот раз на общем собрании, когда она обменивалась колкостями с девочками-стервочками.

Ах да, стервочки.

Они есть во всех школах, а особенно, как я выяснила, в частных и смешанных, где учатся и девушки, и юноши. Большие белые акулы не так рьяно охраняют свою территорию, как богатые белые девушки своих парней. Те двое, с кем Дженни сцепилась на собрании, оказались Хэтти Брюстер и Верити Кили.

Первая, Хэтти, – коренастая, темноволосая, богатая и заносчивая. Ее мать была из семейства Карнеги. Именно Хэтти угрожала выпустить Дженни кишки.

Вторая, Верити, – худощавая, с рыжеватыми мелированными волосами, большими миндалевидными глазами и слегка крупноватым носом. Ее отец был совладельцем нефтяной компании, которая существовала еще со времен Джона Д. Рокфеллера.

Сами по себе Хэтти и Верити были типичными малолетними стервами, которым просто повезло жить в престижном районе Нью-Йорка. Да, Верити была симпатичной, но не настолько, чтобы стать вожаком стаи, а Хэтти – крупная и мужеподобная – была женским вари-

антом хулигана-отморозка. Но обе они были ведомыми. А как известно, всем последователям нужен кто-то, за кем можно следовать. Таким лидером в их компании являлась Мисти Коллинз.

Совсем другой типаж.

Как я уже упоминала, ей было шестнадцать, и Честити, староста школы, была ее старшей сестрой. Если проводить аналогию с пчелами, то она была даже не королевой, а императрицей улья – Мисти Коллинз правила своим классом в «Монмуте». Ее отцом являлся Конрад Коллинз, прямой потомок пилигрима с «Мэйфлауэра» и один из крупнейших застройщиков в Нью-Йорке. Ее мать Старли была известной светской львицей, происходившей из другой семьи пилигримов. Родословная Коллинзов была столь же высокой пробы, как и сама Америка, а их состояние не было запятнано причастностью к современной коммерции.

– Королевская семья Америки, – услышала я однажды приглушенный шепот другой девушки, когда Мисти прошла мимо в сопровождении Хэтти и Верити.

Младшая сестра Коллинз внешне была очень похожа на Честити – светлые волосы медового оттенка, голубые глаза, – но ей не досталось той же классической красоты, что и у сестры. Во-первых, она была ниже ростом, но по большей части дело было в ее глазах. У Честити Коллинз были яркие и большие голубые глаза, в то время как глаза Мисти можно было назвать какими угодно, только не яркими. У нее были тяжелые веки, а правый глаз немного косил вверх. Это вынуждало девушку наклонять голову вперед, чтобы посмотреть на кого-нибудь, и вид у нее при этом был хмурый и скучающий.

В этом, как я поняла, и был смысл издевки Дженни Джонсон по поводу ИЛС Мисти. ИЛС – я погуглила – расшифровывалось как «истинное лицо стервы», и я вынуждена признать, Мисти подходило это определение.

Как бы то ни было, выражение лица никак не повлияло на ее положение в нью-йоркском светском обществе. В то время как директриса «Монмута», как говорили, отклонила приглашение на «Мет-Гала», ежегодный бал Института костюма при музее «Метрополитен», Мисти уже в свои шестнадцать лет на нем дебютировала. Это произошло еще в мае, до того как я переехала в Нью-Йорк, но они с подружками все еще смаковали подробности в сентябре.

– Наряд Рианны был *нереально* крут, – сказала Мисти однажды на уроке английского, пока мы ждали, когда придет миссис Хойнс. – Но нет ничего лучше, чем увидеть Райана Рейнольдса во плоти. Это было просто вау!

Или в другой раз в комнате отдыха нашего класса Мисти заявила:

– Знаете, ведь ни одна из этих моделей и актрис не платит за то, чтобы пойти на «Мет-Гала». Это же семнадцать тысяч за билет! Некоторые из них даже билет на самолет не могут себе купить. За них всех платят спонсоры, иногда по поручению Анны.

«Анной» Мисти фамильярно называла Анну Винтур, знаменитого редактора журнала Vogue, которая заседала в благотворительном совете вместе с миссис Коллинз и часто обедала у них дома.

Теперь мне придется немного отвлечься, чтоб упомянуть о том, где жили Коллинзы. Я вынуждена это сделать, так как это непосредственно связано с тем, как я попала в поле зрения Мисти и стала участвовать в секретных забегах. Видите ли, Мисти, как и я, жила в «Сан-Ремо».

«Сан-Ремо» высотой в двадцать восемь этажей, но на восемнадцатом этаже его основание расходится на две башни, Северную и Южную. На вершине каждой расположен стилизованный языческий храм с множеством ступеней, как в фильме «Охотники за привидениями». Надо признать, эти храмы выглядят довольно круто, хоть там внутри и нет сексуальных богинь, одетых в пузырчатую пленку[13]; однако вы можете устроить отпадную вечеринку на открытом воздухе с потрясающим видом на парк.

[13] Отсылка к эпизоду в финале фильма «Охотники за приведениями» (1984).

Моя семья жила на двадцатом этаже Северной башни (средняя цена за квартиру – девятнадцать миллионов долларов), в то время как Мисти жила на двадцать первом этаже Южной башни. Там цены на квартиры были немного выше из-за большей площади и удачного расположения по отношению к солнцу.

(Кстати, подружка Мисти, Хэтти Брюстер, тоже жила в этом здании – отсюда и их долгая дружба, – но на одном из нижних этажей. Казалось бы, такое шикарное место жительства, но по негласной иерархии, существующей в жилом комплексе, нижние этажи считались намного менее престижными.)

Одним словом, «Сан-Ремо» – это один из самых элитарных жилых комплексов в Нью-Йорке. В нем были квартиры даже у Стивена Спилберга и Донны Каран[14], а еще там жил популярный радиоведущий Мэнни Уоннемейкер, известный своими ультраправыми политическими взглядами[15]. Моя мама его обожала. Мэнни имел обыкновение бродить по атриуму в «Сан-Ремо» и излагать свои взгляды любому, кто останавливался, чтобы послушать. Его тучная фигура в фирменном черном пальто с фиолетовыми рукавами двигалась на удивление легко и плавно, как в танце.

Совсем недавно, к неудовольствию моей матери, несколько саудовских принцев купили квартиры на верхних этажах башен. Они даже не пытались сбить заявленную цену.

– Саудовцы, – саркастически сказала мама. – Ни положения в обществе, ни манер – как вульгарно. Они, собственно, никогда ничего и не строили, знаешь ли. Если бы не нефть, они бы все попрошайничали на улице.

Забавно было услышать это от матери, учитывая, что вовсе не она заработала на нашу квартиру в Ремо (так наш дом называли крутые детишки). Это была полностью заслуга моего отчима, Тодда Аллена, гения финансовых операций с Уолл-стрит и истинного ньюйоркца. Моя мать ни дня в жизни не работала, если не считать времени, которое она проводила, тренируясь и прихорашиваясь перед зеркалом. Хотя она-то, я думаю, действительно считала это работой.

И еще одна вещь напоследок. Мы с Рэдом ходили в школу пешком через парк, а Мисти нет. Каждый день ровно в восемь утра она выходила из южного вестибюля вместе с младшим братом, а часто и с Хэтти, ныряла на заднее сиденье поджидавшего ее черного внедорожника «Кадиллак Эскалейд» и проезжала восемьсот метров до школы на противоположной стороне парка.

Королевская семья Америки.

---

[14] Американский модельер и успешная женщина-бизнесмен.

[15] В политике «правыми» называются приверженцы идеологии, выражающей интересы господствующего социального класса.

Глава 5
Мисти

Общая комната отдыха нашего класса была территорией, где безраздельно царствовала Мисти.

У старшеклассников комната отдыха располагалась на верхнем этаже, а нам приходилось довольствоваться помещением на цокольном этаже. Зато там была обустроена маленькая кухня, стояла эспрессо-машина и имелся доступ к персональному серверу нашего класса по имени Рамона. Это могло быть просто идеальным местом, если бы не царившая там атмосфера страха, осуждения и презрения.

У Мисти и ее верных приспешниц Хэтти и Верити был персональный столик у двери. Все остальные очень быстро поняли, что его нельзя занимать, даже если девушек нет в комнате. Сидя за своим столиком, они комментировали внешний вид всех входящих девушек или рассуждали вслух о прическах, макияже, уходе за кожей. (Парней же они обычно приветствовали накручиванием локона на пальчик и кокетливым «Привет, Хантер» или «Привет, Палмер».)

Конечно же, и я не избежала их едких комментариев, особенно после моего падения на общем собрании.

– Приветик, Мемфис, – сказала однажды Хэтти, когда я зашла в общую комнату во время перерыва. – Ну как ты сегодня, ноги держат?

– Это было *так* стремно, – добавила Верити тихим голосом, который я, однако, отчетливо расслышала.

Мисти рядом с ними читала что-то на своем ноутбуке с наклейкой «Луи Виттон» поверх логотипа «Эппл», но при словах девушек подняла голову.

– Ну же, дамы, будьте снисходительны, это был ее первый день в школе, – произнесла она, улыбнувшись мне. – Между прочим, мы с ней соседи. Она тоже живет в Ремо, в другой башне.

Мы вежливо кивнули друг другу, и я пошла дальше, не совсем понимая, как расценивать этот акт спасения. Казалось бы, это было очень мило со стороны Мисти, но я чувствовала какой-то подвох. Как будто у ее поступка было двойное дно: сначала Хэтти и Верити говорили что-то обидное, а Мисти потом на их фоне выглядела белой и пушистой. Или, может быть, я слишком сильно заморачивалась по этому поводу. Возможно, Мисти просто еще не решила, как себя со мной вести, поэтому и перестраховывалась.

Обычно все происходило так: приходила девушка, скажем, с новой сумкой от «Биркин».

– Видели ее сумку? Круто! – говорила Мисти.

Или у кого-то вскочил гигантский прыщ.

– Видели ее *лицо*? Вот же стремно! – шептала Хэтти.

Или тот случай, когда одна девушка после стоматолога пришла с огромной распухшей челюстью.

– Ну и страх божий! – заявила Верити.

Или если проявить излишний энтузиазм, особенно к чему-то вызывающему, причудливому или ретро. Например, как в тот раз, когда Дженни сказала одной из подружек, что купила билеты на концерт группы, которая копировала стиль ABBA.

– Отстой, – постановила Верити.

Через некоторое время я заметила тенденцию. Любой поступок или вещь обычно оценивались одним из трех вариантов: круто, отстой или стремно. (Кстати говоря, я никогда не слышала, чтобы Мисти использовала слово «отстой». Она часто говорила «круто» и лишь в редких случаях «стремно». И это опять сбивало меня с толку. Ведь хоть она и вела себя как добрый полицейский, но все остальное происходило с ее молчаливого согласия. За исключе-

нием редких случаев – как тогда, со мной, – Мисти не мешала двум своим подружкам говорить гадости.)

Наблюдая, как в течение нескольких месяцев эта компания постоянно выносит свои односложные вердикты, не внося в них никакого разнообразия, я начала подозревать, что это не жестокость избалованных девчонок, а просто нехватка словарного запаса. Мисти была определенно умна, а вот Хэтти и Верити не хватали звезд с неба, так что у них в буквальном смысле не было других слов, чтоб описать свое отношение к происходящему. Когда они обсуждали какие-то свои проблемы, то либо относились к вещам слишком легкомысленно, либо говорили откровенные мерзости. Однажды Верити долго разглядывала свой нос в ручное зеркальце, оценивая его со всех сторон.

– Терпеть не могу свой нос! – наконец выдала она. – Мама обещала, что следующим летом я смогу сделать ринопластику. О да!

Хэтти же постоянно жаловалась на прислугу:

– Эти гребаные мексикосы такие ленивые! Консуэла никогда нормально не моет мою ванную, унитаз все время грязный. Моя мама тоже ее терпеть не может – заставляет перемывать все по десять раз, устраивает ей ад кромешный! А на прошлой неделе Консуэла нашла в комоде мой тайник с травкой и, прикиньте, сказала отцу! Я из-за этого все выходные просидела дома под арестом. Чтоб ее, гребаная телка!

Часто к их компании в общей комнате присоединялся Гриффин О'Ди. Грифф был сыном известного театрального продюсера, и у него была фигура, как у типичного лайнбекера[16]: примерно метр восемьдесят ростом, коренастый, но не толстый, сильный, но не качок. У него была копна вьющихся рыжих волос, что явно шло вразрез с правилами «Монмута» в отношении дозволенной длины мужских стрижек. Он был общительным и эксцентричным, настоящая душа компании, а может, у него просто был СДВГ. Где бы он ни был – в тренажерном зале с другими спортсменами-штангистами или в комнате отдыха с Мисти и ее свитой, – он всегда находился в непрерывном движении. Грифф дружил с Мисти с начальной школы. Ходили слухи, что он дважды проходил реабилитацию, но от чего именно, я не знала.

Когда Грифф присоединялся к компании Мисти в общей комнате, то непременно включался в обсуждение всех входящих, особенно парней. Среди его блестящих комментариев были «Эй, Камерон, как жизнь в шкафу, чувак?» и «Доброе утро, Тэтчер, классные новые очки. Я в восторге, серьезно!». А один раз он как бы шепотом посоветовал:

– Девчонки, не проходите мимо Роланда. Видел его вчера в раздевалке – у него ничего так хозяйство! В тихом омуте… – и он громко расхохотался.

Но хуже всего компания Мисти однажды обошлась с застенчивой пухлой девушкой по имени Винни Симмс. На улице шел дождь, время обеда, поэтому в комнате отдыха было полно народу. Тем не менее, когда Уинифред Симмс вошла, Верити начала насмехаться над ней, совершенно не понижая голоса:

– Боже, Винни! Видела тебя вчера голой после физкультуры. Ради всего святого, сделай интимную депиляцию. Твои заросли и газонокосилка не возьмет! Черт побери, у меня теперь психологическая травма. Я хочу это развидеть!

Лицо Винни заполыхало от стыда, а мое сердце сжалось от сочувствия. Она была спокойной и прилежной девушкой. Так получилось, что я знала – она жила с отцом и была единственным ребенком. В таких вопросах девочек обычно просвещают старшие сестры или продвинутые мамаши. Сама же Винни, вероятно, никогда даже не задумывалась об эпиляции. Она пулей выскочила из комнаты.

[16] Полузащитник в американском футболе.

Во мне поднялась волна гнева, и на мгновение захотелось встать и сказать хоть что-нибудь в ее защиту, но потом я вспомнила, что произошло в Мемфисе. И прикусила язык. Да, тут нечем гордиться, но я уже наступала на эти грабли. До сих пор больно.

Через несколько минут я заметила, как Мисти подошла к Винни в коридоре и успокаивающе приобняла ее за плечи. (Вот, кстати, снова этот трюк – кто-то другой поливает людей грязью, а Мисти вроде и ни при чем, сама доброта и любезность.) Так что я убедила себя, что мое вмешательство будет лишним.

В целом мои первые два месяца в «Монмуте» можно было бы назвать довольно стандартными для новичка. Я все еще оставалась под микроскопом пристального внимания, пытаясь при этом не злить местных «королев», не сближаться с отщепенцами и осторожно с кем-нибудь подружиться, как случилось у нас с Дженни Джонсон.

У нас с Дженни было несколько общих предметов: математика, физика и английская литература. Если конец света не наступит, Дженни хотела стать программистом и дизайнером приложений, а я вынашивала планы поступить на инженера. Так что мы обе корпели над математикой и физикой, часто вместе разбираясь с домашними заданиями. Я рассказала ей про Винни.

– Эта Мисти – просто гений, – сказала Дженни. – Она никогда ни о ком слова плохого не скажет. За нее все делают эти две сучки. А она подкатывает уже после всего, такая вся лапочка-зайка. Просто блестящий образец пассивно-агрессивного поведения. Но не вздумай на это купиться – Мисти кого угодно может сжить со света.

Дженни немного помолчала и продолжила:

– Какое-то время она дружила с той ученицей, что пропала пару лет назад, первая из пропавших девушек, умница Трина Миллер. Но потом, сразу после Рождества, Трина начала дополнительно заниматься с Бо Брэдфордом, и Мисти просто перекрыла ей кислород. Перестала с ней общаться и фактически выжила ее отовсюду. Трина стала здесь *персоной нон грата*[17]. *Через несколько месяцев она пропала. Исчезла, и все. Думаю, она просто не смогла больше этого выносить.*

– Серьезно? Ну и жуть! – Я знала все о том, как перекрывают кислород.

– Я слышала, что следователь из ФБР даже опрашивал Мисти об исчезновении Трины, но ничего нового не выяснил.

– А Мисти и Бо Брэдфорд, они вместе? – поинтересовалась я.

– Судя по всему, она так думает, но я не уверена, что он в курсе.

Я посмотрела на Дженни:

– Ты терпеть не можешь эту компанию, да?

– Мне не нравится их отношение, – сказала подруга. – Эта школа и так насквозь «белая». Но у этих девушек светлая не только кожа, они и внутри как чистый лист. Их пустые головы абсолютно далеки от реального мира. Они считают, что *лучше* всех остальных только потому, что богаты. Хотя деньги их родителей, наоборот, только навредили им. Богатство лишило их честолюбия и целеустремленности, им ничего не нужно. Они ничего из себя не представляют, как все эти богатенькие тусовщицы, которые каждые выходные прожигают жизнь в ночных клубах и публикуют свои фоточки в снэпчате[18].

Дженни перевела дыхание и продолжила:

– Не знаю, как твой отчим, а мой отец – человек старой закалки. У него денег куры не клюют, но он даже на карманные расходы мне наличных не дает. Вот почему я устроилась на работу. Знаешь, что он мне однажды заявил? «Жизнь должна пообтесать тебя немного».

---

[17] «Нежелательная» персона, дипломатический термин.

[18] Snapchat – популярная в США социальная сеть для обмена фотографиями и короткими видео.

К слову о деньгах на карманные расходы: мой отчим, Тодд, выплачивал моей матери ежемесячное содержание в размере шестизначной суммы. Нам с Рэдом из этого выдавалось по паре сотен баксов наличными, на всякие обычные нужды подростков (а раньше в Мемфисе я периодически еще подрабатывала няней). Я вообще сомневалась, что отчим интересовался, сколько денег мама нам давала. Тодд в принципе был своеобразным человеком, умным, конечно, но молчаливым и отрешенным. В нем не было ничего плохого, не поймите меня неправильно, но он каждый раз как будто удивлялся, когда видел дома Рэда и меня. Ему приходилось терпеть, что к нашей знойной мамочке прилагались еще и мы.

– Все эти девчонки, – продолжала рассуждать Дженни, – берут у своих папочек безлимитные кредитки и приезжают в школу на лимузинах. А в свободное время они только и делают, что сплетничают и ходят по магазинам. И если их спросить о планах на будущее, они ответят: сплетничать и ходить по магазинам. Ты и сама увидишь. В следующий раз, как будешь с ними общаться, поинтересуйся, чем они будут заниматься после окончания школы. Посмотришь, что они скажут.

– Ладно, – ответила я. – Спрошу как-нибудь.

Глава 6
Парни и их тачки

Когда наступил ноябрь и дни стали холоднее, я уже чувствовала себя достаточно уверенно в «Монмуте». Новая школа постепенно переставала казаться чужой. А потом однажды во время урока физики мисс Вандермеер, школьный психолог, вежливо заглянула в класс и попросила меня пройти в ее кабинет. Чувствуя, как все на меня смотрят, я встала из-за стола и поспешила за ней.

– Итак, Скай, – сказала она, когда мы расположились в ее кабинете. – Как дела? Ты освоилась?

Мисс Вандермеер была женщиной в возрасте. У нее был спокойный голос и полное отсутствие интереса к моде, не считая ярко-красных очков для чтения. Их она носила на кончике носа и смотрела на собеседника поверх оправы. Я обвела взглядом кабинет. На стене за столом висел плакат: «Крутые ребята не курят», который, казалось, был выпущен году так в девяносто втором. «Ребятам» на нем было лет по сорок, и уж точно они не выглядели крутыми.

– Вроде нормально, – пожала я плечами.

Мисс Вандермеер оценивающе посмотрела на меня поверх своих красных очков, словно выискивая признаки дискомфорта или беспокойства. А затем взяла картонную папку с моим именем.

– Скай, как у школьного психолога, у меня есть доступ к твоему личному делу, так что я в курсе про… тот инцидент… когда ты попыталась причинить себе вред.

Так вот оно что. Я закатила глаза:

– Мисс Вандермеер, клянусь, сейчас я в полном порядке. Со школой все хорошо. Жизнь прекрасна. У меня нет никакого желания причинять себе вред. И не было с тех пор.

Я услышала раздражение в своем голосе и сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Черт. Попытка самоубийства, как черная метка в личном деле, теперь преследовала меня повсюду.

Мисс Вандермеер пролистала папку.

– В записях из вашей старой школы в Мемфисе упоминается, что… это произошло из-за ссоры с президентом класса. Как у тебя тут дела с друзьями?

– Хорошо, – натянуто сказала я. – Я имею в виду, пока все хорошо.

– Отлично. – Она ласково улыбнулась. – Я рада, что все в порядке. Если ты будешь чувствовать себя подавленно или просто захочешь с кем-то поговорить, моя дверь всегда открыта.

– Спасибо, – процедила я сквозь зубы и поспешила убраться оттуда.

По правде говоря, учеба неплохо мне давалась, особенно математика и физика, а еще, к моему удивлению, английский. Мне нравилась наша учительница английского, миссис Хойнс. Она была молоденькой, носила очки и недавно вышла замуж за симпатичного преподавателя из соседней школы. Она совсем недавно выпустилась из Коламбии[19] и еще была полна энергии, энтузиазма и возвышенных идеалов. На уроках миссис Хойнс много говорила о «завоевании мира» и о том, чтобы «стать лучше, чем мы есть».

Как-то раз, возвращая домашнюю работу – нам задавали написать рассказ, – она попросила меня и Дэйна Саммерхейса остаться после занятия. Поэтому, когда остальные ученики разошлись, мы двое все еще были в классе. Дэйн Саммерхейс выглядел так, словно сошел с рекламы одежды «Аберкромби&Фитч»: красивый и беззаботный, с волнистыми светлыми

[19] Престижный частный университет в Нью-Йорке, входит в «Лигу плюща».

волосами, как у калифорнийского серфера. Складывалось впечатление, что вне школы он часто ходит в туфлях-топсайдерах – это те, которые для ношения на яхтах. За то короткое время, что мы были знакомы, включая ехидное замечание о мисс Блэкман на общем собрании, я заметила, что у Дэйна была привычка разглядывать свое отражение в зеркалах или окнах. Это всегда был быстрый взгляд, полный восхищения. Он также входил в команду по лакроссу вместе с Рэдом и Бо. Девушки перед ним практически штабелями укладывались. Что и говорить, старшие классы – это рай для таких парней, как Дэйн Саммерхейс.

Когда все остальные ученики ушли, миссис Хойнс сказала:

– Скай, Дэйн, я считаю, что ваши рассказы просто великолепны. Дэйн, твоя зарисовка о «Дне Поло»[20] демонстрирует настоящую проницательность.

– Спасибо, мэм, – улыбнулся Дэйн.

– А твоя история о привидениях, Скай, – продолжила она, – просто потрясла меня, было по-настоящему страшно. Где ты научилась так писать? Ты ходила на курсы писательского мастерства в предыдущей школе в Теннесси?

Я пожала плечами – не было никаких курсов.

– Наверное, мне просто нравится читать.

Она понимающе улыбнулась.

– Понимаю. Эдгар Аллан По? Или на тебя повлияла Мэри Шелли?

– Э-э, Стивен Кинг, мэм. Я читала все его книги. Это мой любимый писатель.

Вообще-то *самый* любимый писатель. У меня на полке стояли все его книги, расположенные по году издания.

– Ясно, – сказала миссис Хойнс. – Так вот, с вашего разрешения, я хотела бы разместить оба рассказа на сайте школы и включить их в школьный ежегодник. Что скажете?

Дэйн небрежно кивнул:

– Конечно. Почему бы и нет? Круто.

Миссис Хойнс повернулась ко мне:

– А как насчет тебя, Скай?

Я застыла на месте, не в силах вымолвить ни слова. Сайт школы. И школьный ежегодник. Мне было безумно страшно даже думать о том, чтобы опубликовать рассказ под собственным именем. Что, если никому не понравится? Что, если подумают, что это просто нелепое детское сочинение девочки-подростка?

Я посмотрела на Дэйна, завидуя тому, как спокойно он принял предложение миссис Хойнс. Как парни это делают? Так все легко и просто, да? Написать какое-то произведение, поблагодарить за комплимент и с радостью выставить его на всеобщее обозрение? В этом и есть отличие между парнями и девушками? Парни как будто не стеснялись и не боялись неудачи или какого-то унижения.

Это было единственное, о чем я могла думать в этот момент.

– Скай? – переспросила миссис Хойнс. – Земля вызывает Скай. Что скажешь?

Я быстро покачала головой:

– Нет, не думаю, что это хорошая идея. Не уверена, что я готова к такому.

Я слышала, как произношу эти слова, и внутри у меня все переворачивалось. Я говорила, как мой отец.

– Ладно, – разочарованно сказала миссис Хойнс. – Я просто подумала… Неважно, ничего страшного.

Я вышла из класса, проклиная себя.

---

[20] Ежегодное мероприятие по сбору средств в пользу благотворительного фонда «Ronald McDonald House South Island».

Был еще один эпизод с миссис Хойнс, который надо упомянуть, поскольку из-за него мне не пришлось воплощать в жизнь совет Дженни. Дело было вечером в пятницу в середине ноября, и никому уже не хотелось сидеть на уроках. Миссис Хойнс разбирала «Гордость и предубеждение», а Хэтти, Верити и Мисти болтали на задних партах. Я сидела через несколько столов от них и слышала, что они обсуждают: шмотки и парней. Такое поведение явно действовало миссис Хойнс на нервы. Ее взгляд постоянно обращался в сторону девушек, пока, наконец, она не выдержала и не сказала:

– Мисс Брюстер, мисс Кили, мисс Коллинз, вас совсем не интересует то, что мы сегодня проходим?

– Не очень, – с издевкой ответила Верити. – Это всего лишь дурацкая книжонка.

Миссис Хойнс застыла. В классе повисло молчание. Верити перешла черту дозволенного.

– Вам не кажется, что вы могли бы узнать что-нибудь такое, что пригодилось бы в будущем?

Верити фыркнула:

– Я абсолютно уверена, что нет, мэм.

– Прошу прощения?

– Мэм, я планирую выйти замуж за молодого человека из хорошей семьи, владеющего огроменным трастовым фондом, произвести от него парочку наследников, нанять няню на полный рабочий день, кататься на большом внедорожнике BMW и каждый день обедать в городе. Чтение *книжек* вообще не входит в мои планы.

Хэтти дала «пять» Верити:

– Точняк!

Миссис Хойнс – такая молодая, энергичная и полная надежд – стояла у доски, и от всего сказанного у нее буквально отвисла челюсть.

С наступлением холодов Центральный парк становился все более серым. Деревья теперь были похожи на скелеты, дорожки утопали в грязи, и утренний поход в школу превратился в испытание на прочность. Каждый день «Эскалэйд» с шофером ожидал Мисти у дверей здания. Если мы выходили из вестибюля примерно в одно и то же время, я слегка махала ей рукой или кивала.

Ее брат, Оскар, тоже часто попадался мне на глаза. Полным именем его не называли, только Оз. Ему было пятнадцать, он учился во втором классе в «Монмуте» и ростом был на голову выше Мисти, хоть и младше на год. А еще он был немного странный. У Оза были румяные щеки и короткая стрижка, но в любую погоду на голове всегда была надета серая шапка. Он был немного полноват и все время сутулился, словно стараясь казаться меньше. Кроме того, он постоянно ходил, уткнувшись в мобильник. Я была уверена, что в будущем у него точно будут проблемы с шеей. В тех редких случаях, когда Оз отрывал взгляд от своего драгоценного телефона, я замечала, что у него такие же тусклые глаза, как и у Мисти. Однажды утром мы с братом шли мимо, и я с улыбкой поздоровалась с ним, но парень только опустил голову и не произнес ни слова.

Я рассказала об этом Дженни.

– Мисти – стерва, а Оз просто странный, – сказала она. – Я слышала, что у него СДВГ настолько сильный, что он принимает максимально дозволенную дозу «Риталина». Ходят слухи, что, когда ему было тринадцать, мать нашла кучу порнографических запросов в истории поиска на его смартфоне, поэтому она отправила его в военный лагерь на лето. Мисти всем об этом разболтала. Да уж, повезло Коллинзам с детками: шлюшка Честити, мегера Мисти и чокнутый Оз.

Я еще один раз забавным образом пересеклась с Озом Коллинзом. Это произошло сразу после ежегодного школьного конкурса талантов. Вы наверняка знаете, что это такое, в каждой школе проводится что-то подобное: желающие выступают перед всеми учениками и их родителями. Результат всегда один из двух: либо вы с удивлением обнаруживаете, что кто-то из ваших одноклассников обладает прежде неизвестным талантом, либо какой-то бедолага прилюдно позорится, выяснив, что не так уж он и одарен, как полагал.

Ежегодный конкурс талантов «Монмута» проходил по этой же схеме: у одной симпатичной новенькой по имени Джин Блэк обнаружился голос, как у Адель; парочка девчонок из средней ступени довольно хорошо читали рэп; два шутника успели наполовину раздеться под музыку, прежде чем их выгнали со сцены, а Оз Коллинз показал магические фокусы. И вот это было действительно здорово!

Фокусник был одет в настоящий костюм мага Мандрейка[21] (черно-красная атласная накидка и цилиндр) и безупречно исполнил несколько номеров: показал пару трюков со связыванием колец, одного исчезающего кролика, а затем несколько великолепных карточных фокусов, включая тот, где он магическим образом создал копию карты с автографом мисс Блэкман, аналогичную той, что она до этого подписала. (Кстати, тогда же я впервые услышала его голос и заметила, что он слегка шепелявит.)

Короче говоря, на мой взгляд, Оз выступил замечательно. Но, к сожалению, на взгляд пресыщенных подростков, это было не слишком круто. Все его фокусы дотягивали лишь до рейтинга 13+. После его выступления послышались жиденькие аплодисменты, и это было жестоко. Кто-то даже выкрикнул:

– Скукотища!

На следующее утро я шла по коридору и увидела, как два амбала толкнули Оза к его шкафчику.

– Здоро́во, Коллинз, классный прикид Дракулы. Наряжаешься в него на встречи анонимных педиков?

Прижавшись спиной к шкафчику, Оз наклонил голову и отвел глаза, но деваться было некуда – он оказался в ловушке. Два недоноска уже были готовы врезать ему, когда…

– А по-моему, костюмчик был просто огонь, – громко сказала я.

Двое хулиганов остановились и обернулись. Оз в шоке смотрел на меня.

– И это был Мандрейк, а не Дракула. – Я оглядела парней с ног до головы. – И позвольте дать вам совет, мальчики: девушкам нравятся мужчины, которые умеют работать руками, а вчера этот фокусник был в ударе. Вы бы лучше спросили пару советов, а не наезжали на него.

И я кивнула Озу:

– Шикарно выступил.

А потом я отвернулась и пошла дальше как ни в чем не бывало. Во время этой небольшой сцены я не переставала сама себе удивляться. Зачем я это сделала? Почему именно сейчас? Я не вмешалась тогда, чтобы помочь Винни, а тут вступилась за Оза. Но потом мне пришло в голову, что, возможно, я влезла сейчас как раз *потому*, что не помогла Винни тогда. Похоже, во мне подспудно копилась злость от того, что я пустила ту дерьмовую ситуацию на самотек.

Когда я уже проходила мимо, краем глаза заметила, что хулиганы отступили, и, нужно отметить, чувствовала я себя при этом чертовски хорошо.

Примерно в это же время началась предсезонная подготовка к лакроссу. Поначалу мне было грустно, потому что это означало, что я буду реже видеть Рэда, но в итоге это привело к совершенно неожиданным и очень приятным последствиям. Команда тренировалась после

[21] Популярный в США персонаж комиксов; считается первым супергероем, описанным в комиксах.

уроков в крытом спортзале в Вест-Сайде, и иногда Рэд приглашал друзей потусоваться у нас дома после тренировки.

А теперь позвольте мне срочно прояснить: парни в форме для лакросса, с их наплечниками и шлемами, это просто отвал башки! Я всегда старалась быть дома в дни тренировок, потому что, когда к нам приходили Бо Брэдфорд и Дэйн Саммерхейз, там было на что посмотреть.

Конечно, когда они приходили, я старательно делала вид, что чем-то крайне занята: делаю домашнюю работу, читаю учебник, смотрю телевизор или листаю журнал. Мне кажется, что Рэд меня раскусил, но, если и так, он никогда не подавал виду. Не брат, а прелесть! Так что периодически я бросала на них взгляды украдкой или «случайно» подходила к вазе с фруктами на кухне одновременно с Бо, что приводило к коротким, но всегда волнующим диалогам. Моя самая хитрая затея заключалась в том, чтобы придумать какой-то повод, чтобы войти в спальню Рэда, пока они все там зависали. Лучшее, до чего я додумалась, – занести ему чистое белье после стирки, хотя раньше я ничего такого никогда не делала.

Надо сказать, комната Рэда была отражением его характера: легкомысленная смесь странных штуковин и элементов поп-культуры, но каким-то удивительным образом это выглядело круто. Все начиналось прямо с двери в комнату – на ней висел тонкий деревянный щит, вероятно, принадлежавший кому-то из племени охотников за головами с Борнео. На нем было вырезано демоническое лицо с оскаленными клыками. Мне этот щит всегда казался неудачным сувениром с пляжа Вайкики на Гавайях.

В самой же комнате любой мальчик-парень-мужчина незамедлительно забился бы в экстазе. В углу стоял робот R2-D2 из «Звездных войн» в натуральную величину, который по совместительству был холодильником. Темно-красный диванчик был сделан из Кадиллака 1950-х годов, точнее, из его кузова с хищными «плавниками». Стоп-сигналы по-прежнему работали, и когда их включали, комнату заливал мягкий красный свет. И гордость его коллекции – бейсбольный мяч из Грейсленда[22], бронзового цвета и с фотографией Элвиса. Рэд говорил, что в мире нет ничего более пошлого, чем этот мяч, именно поэтому он ему и нравится. Но причина могла быть и в другом: этот мяч Рэду купил отец во время посещения Грейсленда, когда нам было по шесть лет. С тех пор брат им очень дорожил. Когда к Рэду приходили друзья, они обычно валялись на диване-кадиллаке или на кровати, а сам брат предпочитал качаться в большом веревочном гамаке, который он привез с Бали и подвесил перед окном на крюки в потолке.

В один из таких дней, когда у брата были гости, я подошла к его комнате, заготовив очередной суперпредлог, чтоб войти, но услышала разговор и притормозила прямо перед дверью.

– Ну что, Рэд, – спросил Бо, – как у вас с Верити Кили?

«Верити Кили?» – в шоке подумала я.

– Она клевая, – ответил Ред. – И после вчерашнего вечера у Дэйна мы немного больше, чем просто друзья.

Дэйн устраивал вечеринку в прошлые выходные, пока его родители уезжали в Сент-Бартс. Рэд был приглашен. А я нет.

– У нее потрясная фигурка, чувак, – сказал Дэйн. – Малышка следит за собой. А Тони говорит, что с ней можно отлично зажечь в темном уголке на вечеринке, если вы понимаете, о чем я.

«А еще она просто стерва!» – снова подумала я.

Серьезно, разве парни не замечают таких вещей? И Рэд тоже не замечает? Я также вспомнила о планах на жизнь, которые Верити озвучила на уроке английского, – выйти за прилич-

[22] Особняк в Мемфисе, США, где жил Элвис Пресли.

ного молодого человека с деньгами. Интересно, подходил ли мой брат под это определение? Учитывая известную фамилию и внушительное богатство нашего отчима, вероятно да.

Если говорить совсем откровенно, то я больше чувствовала себя задетой, чем действительно переживала за брата. Меня было обидно, что Рэд мне ничего не сказал. Мы, как и раньше, вместе ходили в школу и обратно почти каждый день, но я была не в курсе про их отношения с Верити Кили, романтические они там или нет. Я всегда считала, что мы с братом достаточно близки и что Рэд поделится со мной чем-то таким. И теперь мне было грустно, что мы отдалились друг от друга.

– Джентльмены о таком не болтают, парни, – ответил Рэд.

В следующем месяце Рэд и Верити стали парой официально, и после школы брат теперь тусовался на Ист-Сайде со своей новой подружкой и другими богатыми детками, а я шла домой в одиночестве. Примерно в это же время я стала замечать, что он курит травку. Забавное совпадение, правда? Я чувствовала запах на его одежде и иногда замечала его обкуренный взгляд, когда он возвращался домой ночью. Он даже прикупил новую зажигалку фирмы Zippo, чтоб выглядеть круче.

Не то чтоб я его осуждала или что-то в этом роде, но мне было странно видеть, как Рэд так быстро влился в кружок избранных, особенно учитывая, что я и сама когда-то вращалась в подобной тусовке. Теперь же я ловила себя на мысли, что это и есть мое будущее: быть одиночкой, чужаком, наблюдающим со стороны.

Но в конечном счете я была рада за брата. Мне было горько и обидно, но я была рада. Ведь каким бы Рэд ни был милым, классным и умным, он все же оставался шестнадцатилетним парнем со всем, что к этому прилагалось: бушующими гормонами, желаниями и идиотскими поступками (такими, как курение травки). Так что я желала ему охмурить как можно больше девчонок, даже если одной из них станет Верити Кили. К сожалению, это означало, что мне придется одной ходить домой через Центральный парк, когда наступит холодная нью-йоркская зима.

Скорее всего, я просто скучала по брату.

Но затем ноябрь сменился декабрем, и одна тема стала постоянно возникать во всех разговорах. Это обсуждали и девушки в комнате отдыха, и парни на своих тусовках после тренировок – приближающийся Сезон.

Глава 7
Сезон

Итак, Сезон. Балы дебютанток. Я выросла в Мемфисе, поэтому представляла их довольно смутно. Это были официальные мероприятия высшего уровня, в которых принимали участие молодые девушки в возрасте от шестнадцати до двадцати лет с целью «быть представленными» светскому обществу. В прежние времена речь шла о богатых семьях, демонстрировавших своих дочерей потенциальным женихам, отсюда и такие непременные атрибуты, как девственно-белые свадебные платья дебютанток и белые шелковые перчатки до локтей. В восьмидесятых и девяностых, когда мир сошел с ума и любой выскочка мог разбогатеть, подобные балы вышли из моды. А потом, в XXI веке, появились социальные сети, и вновь все поменялось.

Инстаграм и другие соцсети стали воплощением современной эпохи показного расточительства, или, вернее, эпохи баснословных трат ради демонстрации собственного статуса. Конечно же, балы дебютанток вновь оказались актуальны и вернулись во всей своей красе. Они стали гвоздем каждого сезона. Более того, они превратились в нечто столь престижное и привилегированное, что поменялась сама их суть и идея. Теперь шла речь не только о представлении юных красавиц светскому обществу, важным было то, кто был в числе приглашенных и у какого дизайнера было заказано бальное платье.

Балы дебютанток являлись настолько значимыми для той социальной среды, из которой было большинство учеников «Монмута», что даже во время общего собрания по поводу начала учебного года Честити Коллинз упомянула о них в приветственной речи. Правда, она больше выделяла тот факт, что Мисти будет дебютировать не на одном, а сразу на двух балах, хоть ей всего лишь шестнадцать. Необычность ситуации заключалась в том, что мало кто из девушек дебютировал в столь юном возрасте, не говоря уже о двух разных балах подряд. Это происходило только в том случае, если девушка, о которой идет речь, происходила из очень влиятельной семьи.

Забавно, но лингвистическая несуразность фразы «дебютировала дважды», судя по всему, не смущала никого в нью-йоркском обществе. Это считалось вовсе не оксюмороном, а, наоборот, наивысшим достижением.

И кстати, не стоит переживать о тех несчастных девушках, которые не получили приглашения ни на один бал. Перед большинством из подобных мероприятий обычно проводился целый комплекс раутов: предварительные вечеринки, репетиции, званые обеды, заключительные вечеринки и ночные тусовки после завершения всех вечеринок. И везде могли с удовольствием поприсутствовать подруги избранных девушек, их знакомые и бойфренды (сопровождающий девушки на балу – ее кавалер – необязательно был ее бойфрендом). Готова поспорить, что эти неофициальные вечеринки считались гораздо более предпочтительными, учитывая количество выпивки, кокаина и экстази на них, чем сами официальные балы, где присутствовали родители и различные официальные лица.

Словом, говорить о приближающемся Сезоне начали примерно в середине ноября, когда Бо Брэдфорд улетел в Париж, чтобы сопровождать дочь видного венского семейства из Габсбургов на Le Bal des Débutantes.

– Ле-Баль – это, конечно, круто, но раньше там было лучше, – заявила как-то Мисти, сидевшая в комнате отдыха вместе с Хэтти, Верити, Дэйном и Рэдом. Я тоже находилась там и делала вид, что занимаюсь, но на самом деле прислушивалась к разговору.

– Прежде это было закрытое мероприятие для семейств с королевскими корнями, – продолжала рассказывать Мисти, – таких как Людовики, пармские Бурбоны и Ауэршперги-Брюннеры. А кавалерами дебютанток становились прекрасные юные графы и маркизы. Но в какой-

то момент организаторы стали разрешать богатым арабам и китайцам просто-напросто *покупать* билеты для своих дочерей. Теперь в список приглашенных может попасть любой нувориш – лишь бы денег хватило на платье от-кутюр[23] для своей дочурки. Увы, но стоит такому начаться, и суть бала уже испорчена.

– И в чем же эта суть? – спросила Дженни, сидевшая неподалеку. Похоже, она тоже прислушивалась. Мисти улыбнулась своей бесцветной снисходительной улыбкой.

– В том, чтобы определить, кто относится к высшему эшелону, а кто нет, – сказала она. – Публично и явно обозначить правящую элиту данной страны или региона.

Дженни недоверчиво склонила голову набок:

– Серьезно? Ты реально считаешь, что те, кто посещает балы дебютанток, являются лидерами общества?

– Тебе не понять, – ответила Мисти, – потому что ты никогда туда не попадешь.

Итак, разговоры о балах были самыми популярными в школе. Начало болтовне положил Le Bal, но сплетни разгорелись с еще большей силой, когда Сезон стартовал и в Америке – с Истсайдского котильона в Нью-Йорке и бала в честь Дня благодарения в Вашингтоне, округ Колумбия. Старшеклассница из «Монмута» – Грейс Кармоди – дебютировала на вашингтонском балу, кстати, вместе с племянницей вице-президента. Страсти достигли своего апогея, когда Мисти начала подбирать платье для своего первого выхода в свет во время Международного бала дебютанток, который должен был состояться в конце декабря в отеле «Уолдорф Астория». Младшая Коллинз провела большую часть октября, листая со своими подружками свадебные журналы в поисках наряда, а в начале ноября начала встречаться с дизайнерами. Платье дебютантки должно быть девственно-белым и в целом очень похоже на свадебное, поэтому их, как правило, и заказывают у свадебных дизайнеров. Но в случае Мисти было еще одно условие: как она объяснила подружкам, платье должно дополнять ее колье.

Из-за строгой политики «Монмута» по поводу драгоценностей я не видела колье Мисти, пока не стала иногда случайно пересекаться с ней в «Сан-Ремо» на выходных. На самом деле существовало два одинаковых колье: у Мисти и ее мамы. Каждое из них представляло собой золотую цепочку с великолепной подвеской в форме восьмерки. В центре подвески переливался потрясающий камень янтарного цвета. Колье было прекрасно по любым стандартам, да еще и очевидно старинное. Однажды в воскресенье я сделала Мисти комплимент по поводу украшения. Она осторожно провела по нему пальцем.

– Да, спасибо. Это семейная реликвия, и она мне очень дорога.

Так вот, с учетом колье в качестве непременного условия, Мисти встретилась с Заком Позеном, Сарой Бертон и Стеллой Маккартни (чтобы пообщаться с последними двумя, она летала в Лондон на выходные) и в итоге остановилась на Саре Бертон:

– Она была дизайнером платья Кейт Миддлтон, вернее, принцессы Кэтрин, для свадьбы с принцем Уильямом.

Платье для Мисти создавалось как единственное в своем роде. Оно будет отделано английским кружевом и тонкой золотой нитью в тон ожерелью, а белую юбку в стиле ретро пошьют из шелка-газар. Обойдется это все в восемьдесят шесть тысяч долларов плюс налог. Мне показывали набросок платья. Это что-то потрясающее, самое красивое платье, которое я когда-либо видела. Любая невеста удавилась бы, чтобы надеть его в день свадьбы или в любой другой день своей жизни. Мисти же появится в нем один раз. Для своего второго дебюта на Истсайдском котильоне в начале марта будущая дебютантка уже присматривала другое платье, потому что, как она заявила, «было бы так *неловко* появиться в одном и том же платье на двух разных балах».

[23] Одежда высокого качества, сшитая на заказ по модели кутюрье.

После уроков Мисти с подружками выбегала из ворот школы, садилась в черный «Эскалэйд» и уносилась на примерки. И еще девушка стала много времени проводить в спортзале. Бальное платье должно сидеть как влитое, так что ей приходилось поддерживать свой вес и размер неизменными. Ну ладно, будем называть вещи своими именами – на самом деле Мисти не ходила в спортзал. Она наняла личного тренера, чтобы тот гонял ее на беговой дорожке родителей в их домашнем тренажерном зале. Как бы то ни было, она и правда стала заметно стройнее, но даже так все равно выглядела сурово. Худоба не могла изменить ее холодный взгляд.

Я наблюдала за всеми этими приготовлениями с каким-то отстраненным восхищением. Это был новый, неизвестный мир, который мне повезло увидеть вблизи, при этом не являясь его частью, и меня это вполне устраивало. А потом этот мир внезапно настиг меня и затянул в водоворот событий самым неожиданным образом – моего брата пригласили на Международный бал дебютанток.

Глава 8
Рэд

Процесс отбора достойных молодых леди для появления на балу в качестве дебютанток был старомодным, сложным и в значительной степени основывался на происхождении девушки и связях ее семьи. Процесс отбора достойных молодых людей, которые сопровождали бы этих леди на бал, происходил иначе. По традиции каждую дебютантку сопровождали два кавалера: кадет из военного заведения и обычный гражданский юноша из подходящей семьи (если у девушки таковой имелся, то это зачастую был ее бойфренд).

Для девушек, которые не знали никого из подходящих парней, в местном ресторане проводили мероприятие под названием «холостяцкий бранч». И в нашем патриархальном мире, где обычно парень приглашал на свидание, это был тот редкий случай, когда девушки могли рассмотреть все имеющиеся варианты и самостоятельно сделать свой выбор.

Как бы то ни было, Рэд и его приятели по лакроссу отправились на «холостяцкий бранч» шутки ради. Учитывая их изначально высокий социальный статус, парни из «Монмута» всегда были желанными гостями на таких мероприятиях, но на этот раз Рэд с друзьями в самом деле просто хотели поглазеть по сторонам и полюбопытствовать. Но потом Рэд – мой классный общительный братец – каким-то образом разговорился с юной дебютанткой из Сан-Антонио, Техас, и прежде чем кто-то что-то понял, она попросила его сопровождать ее на балу. В «Монмуте» эта новость вызвала ликование, и внезапно Рэд стал, как любил говорить мой отец, круче, чем яйца вкрутую.

В результате за две недели до бала брата стали приглашать на все предварительные вечеринки. Это были мероприятия высшего уровня, где тусовались только крутые ребята. Естественно, там было полно выпивки, травки и экстази. Вечеринки заканчивались далеко за полночь, и Рэд часто возвращался домой в районе трех утра.

Вскоре после этого я заметила какие-то странные отметины на внутренней стороне предплечий у Мисти, Хэтти и Верити, которые тоже посещали все эти вечеринки. Недлинные вертикальные штрихи, нанесенные черным перманентным маркером прямо у запястья. У Мисти было семь линий, у Хэтти четыре, а у Верити три. Кое-кто из парней в компании тоже щеголял такими вертикальными отметинами. У Бо их было четыре, а у Дэйна Саммерхейза три. А потом, ранним утром после Международного бала дебютанток, брат вернулся домой невероятно взбудораженный и с бурлившим в крови адреналином.

Он ввалился в мою комнату и разбудил меня, его белая бабочка свисала с воротника, а волосы слиплись от пота. Я испугалась, что он перебрал с амфетамином и у него начались галлюцинации.

– Честное слово, Блу, клянусь, я ничего не принимал, – сказал Рэд, пытаясь отдышаться. – Нет. То, что произошло – круче любого наркотика. Я сейчас расскажу тебе, но ты должна поклясться – на полном серьезе *поклясться,* – что никому об этом не расскажешь. Ни маме, ни папе, ни Тодду, ни особенно Мисти или кому-то еще из девочек в школе. Они тоже там были, и мне конец, если они узнают, что я тебе все рассказал. Но, чтоб я сдох, мне просто необходимо кому-то рассказать.

Я никогда не видела брата таким. Рэда вообще ничего не могло выбить из колеи, а тут он трещал без остановки, как придурок. И тут я увидела его левое запястье, а на нем – один вертикальный штрих, нанесенный черным маркером.

– Во что ты вляпался? – медленно произнесла я.

Часть II
Тайное общество любителей бега

Держать свой секрет в тайне мудро,
но глупо ожидать, что и другие его сохранят.
Сэмюель Джонсон

Глава 9
Первый забег Рэда

Рэд начал с того, что рассказал мне про бал.

Это было шикарное мероприятие. Отель «Уолдорф Астория» был великолепно украшен, средств на декор не жалели. На балу присутствовали два сенатора, три посла, вице-губернатор Нью-Йорка и по меньшей мере четыре председателя компаний из списка Fortune 500[24]. Дамы в бриллиантах раскланивались и обменивались воздушными поцелуями, а дебютантки блистали в своих белоснежных дизайнерских платьях.

Для родителей самым важным моментом вечера являлась, конечно же, официальная часть бала, когда дебютанток по очереди представляли гостям. Сами же девушки рассматривали это как испытание, которое нужно пережить, не споткнувшись, что стало бы, как выразилась Мисти, «самым страшным унижением в жизни». Для молодежи настоящее веселье начиналось позже.

– Это было нечто, Блу, – рассказывал Рэд. – Мы отправились из «Астории» домой к Ван-Брайденам, потом к Колсартам и, наконец, в маленькую полуподвальную квартирку в Ист-Сайде недалеко от школы. Я понятия не имею, кому принадлежит это местечко, но там определенно не было ничьих родителей, и это было отпадно! Некоторые девчонки все еще были в своих бальных нарядах дебютанток, другие переоделись в вечерние платья, кадеты – по-прежнему в военной форме, а парни вроде меня – в пингвинистых фраках.

Рэд перевел дыхание и продолжил:

– К нам подъехали Хэтти и Верити плюс Грифф О'Ди, Дэйн и несколько друзей Бо. Вечеринка была отвязная. Все пили, курили, смеялись, веселились. Пиво, стрелялки, немного кокса и ксанакса[25]. Но не волнуйся, я ничего не принимал.

– А как дела с Верити? – поинтересовалась я.

Рэд застенчиво улыбнулся:

– Ну мы немного потискались в гардеробной. Но это не то, о чем я хотел тебе рассказать.

Вот теперь я действительно была заинтригована. То, о чем мой брат строжайше запретил мне рассказывать кому-либо, не было связано с тем, что после бала он, вероятно, добрался до второй базы с Верити Кили в гардеробной. Я и представить себе не могла, что за секрет мог с таким сравниться.

– В общем, ночь шла своим чередом, – продолжил Рэд, – и постепенно народ начал расходиться. В итоге остались только Мисти, Хэтти, Верити, Бо, Дэйн, Грифф и я. И тогда Мисти произнесла: «Ну что, детишки? – И она указала на свое колье, ну знаешь, которое она иногда носит, с желтым камнем в золотой восьмерке. – Кто хочет пробежаться?»

Рэд посмотрел на меня многозначительно.

---

[24] Рейтинг крупнейших мировых компаний, составляется ежегодно журналом Fortune.

[25] Лекарство для лечения панических атак и неврозов, популярный в США наркотик.

– Мисти пила всю ночь, пару упаковок пива точно в себя опрокинула, так что вела она себя довольно раскованно. Как бы то ни было, Бо кинул на меня быстрый взгляд и спросил: «А что насчет Рэда? Он раньше этого не делал. Думаешь, он?..»

«Все в порядке, Рэд – классный, – ответила ему Мисти. – Тебе ведь можно доверять, да, Рэд?»

«Я умею хранить секреты», – подтвердил я, хотя понятия не имел, о чем вообще идет речь. Мисти посмотрела на Бо, а тот на Дэйна, который, в свою очередь, пожал плечами и сказал: «Стопудово!»

Рэд встал и начал расхаживать по комнате. На часах было 5:55 утра. Брат качал головой, сосредоточившись на воспоминаниях, глаза бегали по сторонам, но я не торопила. Ему нужно было время, чтобы привести мысли в порядок. Наконец он продолжил рассказ:

– В общем, мы вышли из квартиры, пересекли Пятую авеню и направились в Центральный парк. Прикинь? В четыре утра, посреди гребаной ночи. Вокруг ни души, кроме бездомных и дурацкого мусоровоза. Мы немного прошлись в глубь парка по Семьдесят девятой поперечной и у поворота остановились перед каким-то огороженным участком. Бо сказал, что это «небольшой частный природный заповедник», что бы это ни значило. Он находится прямо за «Метрополитен», но в любом случае вокруг него сплошные заросли кустов, так что, если не знаешь, что искать, ни за что не найдешь. У Мисти был ключ от калитки, и мы друг за другом прошли за ограждение. В углу участка обнаружился утопленный в землю садовый люк, от которого у Мисти тоже имелся ключ. И мы полезли внутрь.

– И?.. – не выдержала я.

– Под люком оказалась маленькая вырытая пещерка, – ответил брат, – с утрамбованным земляным полом и отверстием посередине, а в нем лестница. Все остальные, судя по всему, уже бывали здесь раньше, потому что они просто включили фонарики на телефонах и стали спускаться. Я полез вслед за всеми, а Мисти шла последней и заперла люк изнутри. Внизу было ощутимо холоднее, так как мы спустились уже на два уровня. Там оказалось что-то вроде цепочки подземных пещер, стены то ли из плотной земли, то ли из какой-то скальной породы. Я добрался до последней пещеры как раз тогда, когда Бо включил пару старинных дуговых ламп, работающих от дизельного генератора. Я там просто замер и выпалил: «Твою же мать!»

– Что? Что там было? – спросила я нетерпеливо, и Рэд уставился на меня в упор:

– Что-то вроде древней каменной арки, похожей на вход в старый храм или типа того. И это было реально жутко. Она как бы выступала из неровной стены пещеры, но была совершенно целая и при этом так мастерски сделана, с квадратным гранями и древними надписями на всей поверхности. По сути, это был просто широкий портал, без дверей, а за ним вглубь уходил туннель или еще одна пещера.

Я кивнула, так как читала про что-то подобное. Задолго до того, как индейцы ленапе[26] в 1626 году продали остров Манхэттен голландцам за цветные стеклянные бусы стоимостью в двадцать четыре доллара (знаменитая «покупка Манхэттена»), на этой территории проживало несколько племен аборигенов. Археологи обнаружили следы захоронений, святилища внутри пещер и даже несколько примитивных катакомб. Были свидетельства того, что мезоамериканские племена, такие как ольмеки, тольтеки и майя, основывали поселения здесь, на севере. Вполне возможно, что и до нашего времени под Центральным парком могло сохраниться каменное сооружение того периода или погребальная пещера.

– На полу, ровно посередине этого древнего портала, – продолжил Рэд, – стояла маленькая каменная пирамидка, по размерам чуть выше колена. Она была высечена из странного

[26] Индейское племя, также известное как делавары.

черного камня, идеально гладкого, в отличие от самой арки. И тут Мисти шагнула вперед, вынула из своего колье желтый самоцвет и поместила его в углубление на вершине пирамидки. А потом я просто охренел…

– Что? – воскликнула я. – Что там случилось?

– Ты мне все равно не поверишь…

– Я постараюсь.

Рэд сглотнул.

– Внутри пирамидки включился какой-то механизм, и камень, который Мисти поместила на вершину, резко наклонился и скользнул вниз по дальней от нас грани, по направлению к туннелю. А потом – бац! – и из пирамиды полился яркий пульсирующий свет, и весь портал оказался залит пурпурно-черным сиянием. Мне трудно это описать, никогда не видел ничего подобного. Свет заполнил всю арку изнутри, как паутина или завеса, да, как вертикальная световая завеса.

– Световая завеса? – с сомнением переспросила я. – Из пирамидки на полу высотой по колено?

Ред поднял руки в защитном жесте:

– Знаю, это звучит безумно, но это правда. Остальные явно развлекались за мой счет, глядя, как я обалдел, а Бо ухмыльнулся и сказал: «Давай, чувак, потрогай, если хочешь. Больно не будет». Так что я протянул руку и коснулся пальцем мерцающей пурпурной завесы. Странное ощущение. Это не воздух, но и не твердое вещество, но эта субстанция имеет поверхностное натяжение. От пальца осталась небольшая вмятина в стене света, как будто я надавил на резиновую поверхность. От того места, где я прикоснулся, разошлись круги лилового света, как рябь на воде, а затем – вжух! – и вся рука до запястья провалилась прямо внутрь. Я в шоке дернулся назад, а остальные засмеялись.

Я склонила голову набок:

– Рэд, ты точно ничего не курил? Может, съел пирожок с волшебной начинкой? Или кто-то тебе подсыпал что-нибудь в выпивку?

– Клянусь, Блу, я выпил всего одно пиво и не притрагивался к наркоте. Это все происходило *на самом деле*.

Я сдалась под его напором:

– Ну ладно, рассказывай дальше!

– Дальше Бо кивнул на маленькую пирамидку на земле и сказал мне: «Гляди, где теперь камень». Я посмотрел сквозь полупрозрачную завесу света, и хоть и смутно, но было видно, что кусочек янтаря теперь находится у основания пирамидки по другую сторону от световой границы, вне досягаемости. Я повернулся к Бо, не совсем понимая, что он имеет в виду, и он продолжил: «Есть только один способ вернуть камень – шагнуть за ним внутрь». Мисти подняла запястье, то, которое со странными отметинами, и сказала: «Вот так ты заработаешь одну из них, Рэд. По одной за каждый забег».

«Каждый забег? – спросил я. – А куда бежать-то? Вон туда?» И я кивнул в сторону портала. Больше всего меня волновало, что произойдет со мной, если я шагну внутрь, так что я уточнил: «Это хоть безопасно?» – «Более или менее, – ответила Мисти. – Пока не попробуешь – не узнаешь. Давай за нами».

С этими словами Мисти схватила Бо за руку и резко шагнула внутрь, прямо сквозь эту завесу света. Бо за ней, и я видел размытые силуэты на той стороне. Дэйн, Грифф и Хэтти пошли следующими. Они стали кричать мне из-за завесы, но голоса звучали приглушенно, как будто издали, хотя они стояли всего в полуметре от меня. Хэтти вопила, чтобы я прыгал, а Грифф орал: «Не будь тряпкой!» Потом Ви взяла меня за руку и улыбнулась: «Ну что, чемпион, я знаю, что ты чувствуешь. В первый раз всегда так. Давай!» И, с Верити за руку, я нырнул в портал, прошел сквозь пурпурное сияние.

Глава 10
Забег по туннелю

Рэд приземлился по другую сторону старинного портала. Парень стоял в том же туннеле, что был виден снаружи, но оказалось, что он уходит вглубь дальше, чем можно было предположить изначально. Изнутри все стены были расписаны древними символами, картинками и иероглифами. Это выглядело жутковато.

Он обернулся на арку, под которой прошел. С этой стороны завеса света, мерцавшего в портале, была тускло-желтой. Яркий свет дуговых ламп с другой стороны еле просачивался сквозь нее, как будто проход через границу его приглушал. Ближайшая часть туннеля вокруг Рэда купалась в янтарном сиянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.